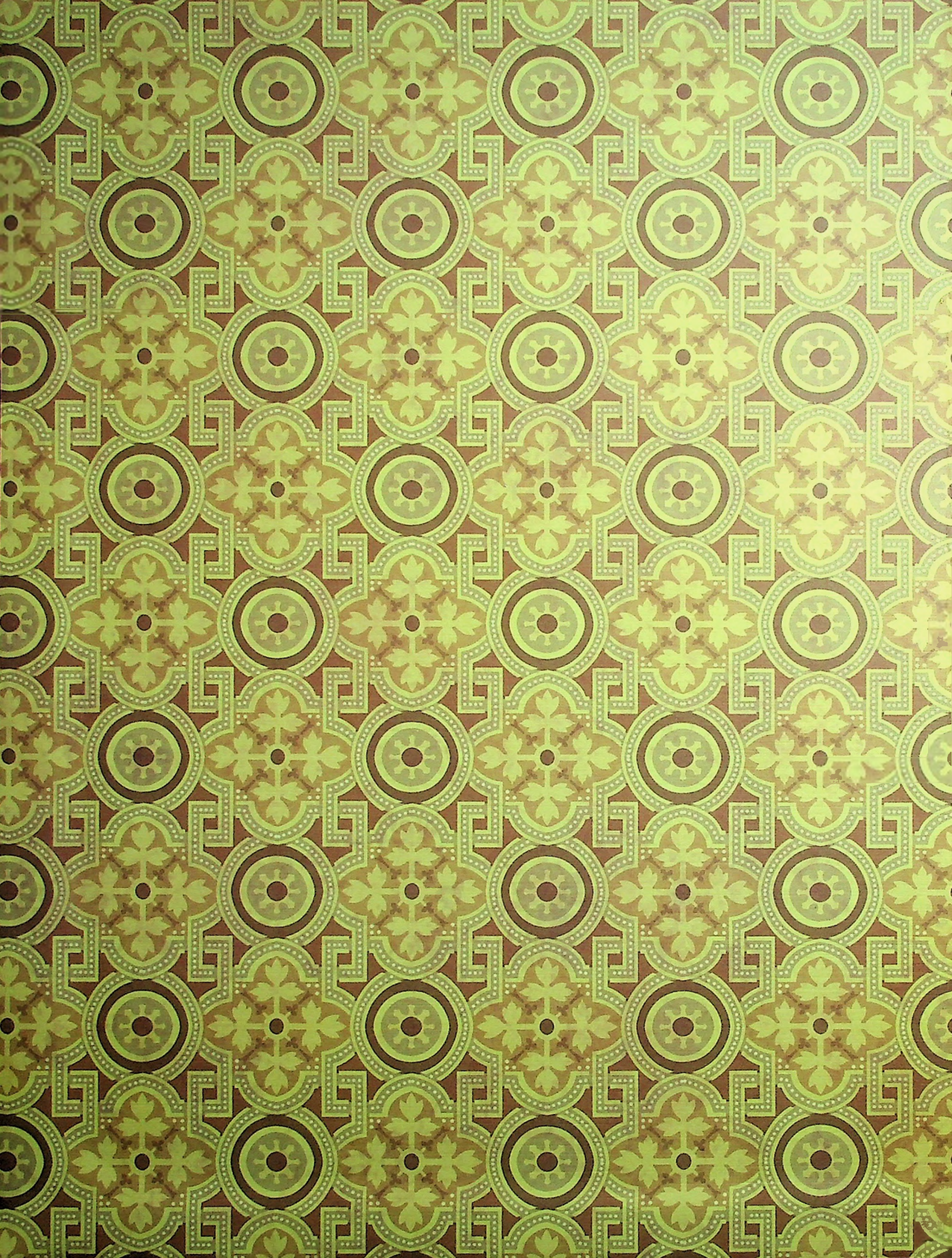
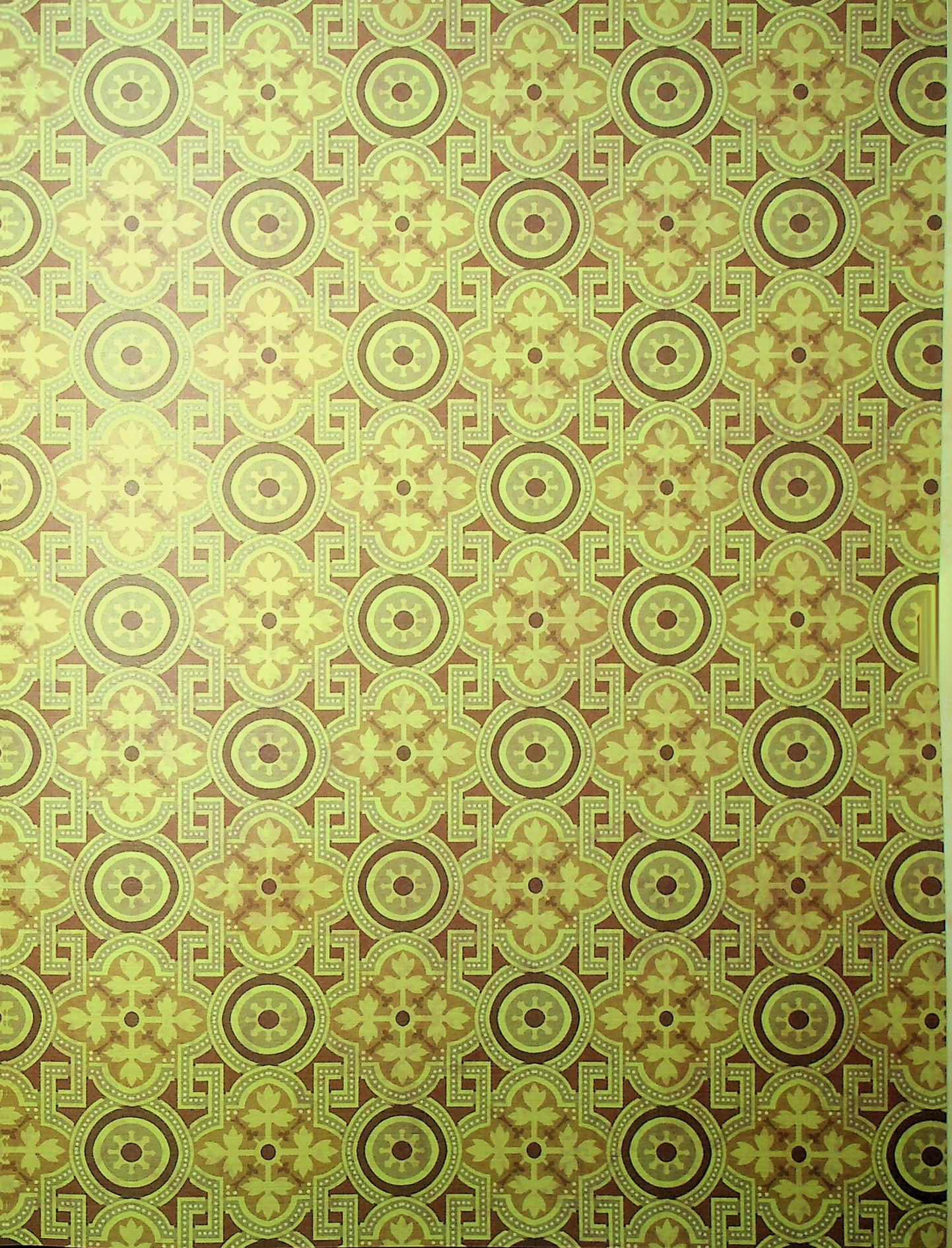
Кровная вражда

УДК 395(=351.42)
ББК 63.521(=603.1)-735
К97

Къонахалла. Чеченский этический кодекс = Quonahalla. Chechen etic codex / авт. версия, сост. и вступ. статья Леча Ильясов ; ил. Вячеслав Бурлаков. – 6-е изд., доп. и испр. – Москва., б. и., 2024. – Парал. тит. л. англ. – 264 с. : ил. – ISBN 978-5-906053-24-4.

I. Ильясов, Леча, сост.

Книга представляет авторскую версию Л. М. Ильясова неписаного этического кодекса чеченцев «Къонахалла», который является уникальным памятником нравственной мысли человечества.

Истоки кодекса уходят в глубину веков, по крайней мере самые древние его положения относятся к I тысячелетию до нашей эры, к легендарной эпохе нартов. Многие постулаты кодекса включены в религиозно-этические трактаты XVII–XVIII веков. До нашего времени кодекс сохранился в устной традиции, а также в виде нравственных заповедей, содержащихся в различных хрониках, преданиях и сказаниях об исторических героях.

Данный труд является результатом многолетних поисков и исследований исторических материалов автором-составителем.

Издание 6-е, дополненное
и исправленное

Авторская версия, составление и
вступительная статья *Леча Ильясов*

Иллюстрации
Вячеслав Бурлаков

Дизайн и верстка
М.Широкова, М.Лейпунский

Фотографии
Леча Ильясов

ISBN 978-5-906053-24-4

© Леча Ильясов, Москва, 2024 г.

Кьонахалла

Чеченский этический кодекс

Quonahalla

Chechen Etic Codex

ЧЕЧЕНСКИЙ КОДЕКС «КЪОНАХАЛЛА» КАК ФЕНОМЕН МИРОВОЙ ЭТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

— О, Кормак, внук Конала, — спросил Койрбре, — а какие обычаи хороши для короля?

— Нетрудно сказать, — отвечал Кормак. — Для него лучше всего:

Твердость без гнева,
Настойчивость без спора,
Вежливость без надменности;
Пусть он охраняет древние науки,
Вершит правосудие,
Вещает истину,
Почитает поэтов,
Поклоняется Всевышнему Богу.
Ему нужно спрашивать совета у мудрого,
Следовать учениям древности,
Блюсти законы,
Быть честным с друзьями,
Быть мужественным с врагами,
Изучать искусства,
Постигать языки,

Слушать старейших,
Оставаться глухим к клевете.
Пусть он будет нежен,
Пусть он будет суров,
Пусть он будет страстен,
Пусть он будет милостив,
Пусть он будет справедлив,
Пусть он будет терпим,
Пусть он будет упорен,
Пусть он ненавидит ложь,
Пусть он любит правду,
Пусть не помнит зла,
Пусть не забывает добро...
Ибо именно по этим качествам узнаются
Истинные короли.

(Из ирландского фольклора[1])

В истории каждого народа в силу различных причин бывают периоды, когда он забывает о нравственном величии своих предков, утрачивает духовный опыт, накопленный тысячелетиями. Это очень опасное время в жизни любой нации, любого государства. Духовная амнезия, нравственное безразличие для народа гораздо опаснее кровавых войн, стихийных бедствий и эпидемий, экономических депрессий. «Сон разума рождает чудовищ», сон совести — душевную апатию и нравственный нигилизм, отсутствие национального достоинства порождает духовное рабство. А все это разрушает этнос, лишает его исторической перспективы, обрекая на медленное вымирание на задворках истории.

Но нет на земле народа, который бы не хранил в самых глубинных уголках своей памяти нравственный опыт предков. Нет народа, который не имел бы богатой культурной и духовной истории, который бы не имел возможности в самых сложных исторических обстоятельствах ухватиться за спасительную нить нравственной культуры, способной вывести его из тьмы смут-

Петроглиф на стене боевой башни XIV–XVI веков в селении Шарой: двойная спираль – это древний символ-оберег, который встречается в более схематическом виде в качестве узора на северокавказской керамике III–II тысячелетий до н.э.

Petroglyph on the wall of the defense tower belonging to the XIV–XVI centuries (the village of Sharoi): a double helix is the ancient symbol-periapt depicting a pattern on the North Caucasian ceramics of the III–II millennium B.C.

[1] Сказки Британских островов. Пер. с англ. Н.Шерешевской. – М., 2001, С. 203–204.

ного времени. Для чеченцев подобной спасительной нитью является древний этический кодекс «Къонахалла», в котором отразился духовный и культурный опыт народа, социальные, политические, экономические особенности его исторического существования.

Чеченский этический кодекс «Къонахалла» сложился задолго до принятия чеченцами ислама. Корни его уходят в далекую древность, в глубь веков. Несомненно, в аланскую эпоху он уже существовал. На его характер оказали заметное влияние драматические события времен нашествия на Кавказ монголов и Тимура, когда война стала для нахов-аланов обычным состоянием. О его древности говорят многочисленные параллели культа къонаха – достойного человека, народного героя с древнейшими слоями нартского эпоса[2].

В окончательном виде кодекс «Къонахалла» сформировался в Позднем Средневековье, в период войны вольных общин с феодалами, в эпоху расцвета тейповой демократии, когда высшей ценностью общества была объявлена свобода, в том числе свобода личности.

В позднейшее время духовный аспект этого кодекса испытал определенное влияние ислама в его суфийском варианте, согласно которому главным смыслом человеческого существования является путь духовного совершенствования.

В основе кодекса – культ «къонаха», «достойного мужа», главным смыслом жизни и деятельности которого является служение народу, обществу, Отчизне. Буквально понятие «къонах» переводится как «сын народа» и является не случайным и исторически обусловленным.

Согласно историческим и фольклорным преданиям, орден «Къонахий» был одним из наиболее влиятельных воинских объединений, который играл важную роль в политической жизни страны нахов. В этот союз входили только воины из древних и благородных фамилий, посвятившие

Петроглиф на стене боевой башни XIV–XVI веков (селение Шарой): «колесо» – древний солярный знак, связанный с культом солнца, символ благополучия, которое должно было дать солнце.

Petroglyph on the wall of the defense tower of the XIV–XVI centuries (the village of Sharoi): a «wheel» – the ancient solar sign connected with the cult of the Sun, a symbol of prosperity provided by the Sun.

[2] Нарты – легендарные герои древнего общекавказского эпоса. В чеченском фольклоре сохранились его древнейшие пласты. Къонахом был нарт Пхармат (Прометей), который добыл с неба огонь для людей, зная, что будет обречен за это на вечные муки.

свою жизнь служению народу и Отечеству. Поведение къонаха, образ его жизни, его отношения с людьми жестко регламентировались. Малейшее отклонение от норм кодекса лишало его этого высокого звания. Поэтому уже в то время понятие «къонах» стало синонимом чести, мужества, благородства.

Но и после того, как этот воинский союз прекратил существование, къонахами чеченцы по-прежнему называли людей, которые соединяли в себе высокие личные моральные качества с беззаветным служением своему народу и Отечеству. Древний кодекс воинов «Къонахалла» трансформировался в этический кодекс, нравственной основой которого стала идея «совершенного человека», «благородного мужа». При этом в поздней его версии сохранилась древняя основа, регламентировавшая поведение къонаха на войне, его отношение к врагу, оружию, смерти. Она в определенной мере перекликается с европейским рыцарским кодексом и «Бусидо» японских самураев.

Поздние наслоения в кодексе «Къонахалла» связаны с влиянием мировых религиозно-этических систем, главным образом суфизма. Кроме того, можно говорить об определенных параллелях культа «достойного человека — къонаха» с конфуцианством, древней этической системой, в которой стройно и ясно сформулирована идея совершенного человека.

Согласно учению, созданному в VI веке до н.э. китайским философом Конфуцием (Кун-цзы), носителем всех этических добродетелей является цзюн-цзы — благородный муж, для которого характерны два взаимовытекающих качества: принадлежность к аристократии и человеческое совершенство. Стать цзюн-цзы очень трудно, так как аристократическое происхождение человека еще не является гарантией его человеческого совершенства.

Цзюн-цзы — идеальная личность, благородный муж, стремящийся познать правильный (нравственный) путь, быть человеколюбивым и следовать ритуалу, быть искренним в словах и честным в деяниях, справедливым в отношении к людям и строгим к себе. Он беспрекословно подчиняется небесной

Петроглифы на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Ца-кале): древние солярные символы-обереги – крест в круге и «колесо».

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Tsa-Kale): ancient solar symbols-periapts – a cross in a circle and a «wheel».

воле и всегда стремится к справедливости и исполнению долга. «Он прежде видит в слове дело, а после — сказанному следует»[3].

Благородный муж придерживается «незыблемой середины»[4] во всем: и в поведении, и в одежде, и в отношении к людям. Конфуций сказал: «Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность превосходит естественность, то он подобен ученому-книжнику. После того как воспитанность и естественность в человеке уравновесят друг друга, он становится благородным мужем»[5].

Основной этический закон для цзюн-цзы — это «жэнь» — гуманность (человечность, человеколюбие), глубокая и многозначная нравственная категория, определяющая сущность человеческих взаимоотношений. «Знатность и богатство — это то, к чему люди стремятся; если они нажиты нечестно, благородный муж от них отказывается. Бедность и униженность — это то, что людям ненавистно. Если они незаслуженны, благородный муж ими не гнушается. Как может благородный муж добиться имени, если он отвергнет человечность?»[6]

«Жэнь» — это взаимность и равенство в человеческих отношениях. Взаимность, справедливость во взаимоотношениях людей определяются нравственным принципом, который был впервые сформулирован Конфуцием и назван в европейской этике «золотым правилом нравственности». Когда ученик спросил его, можно ли всю жизнь руководствоваться одним словом, Конфуций ответил: «Это слово — взаимность. Не делай другим того, чего не желаешь себе»[7].

В существующем мире люди не могут быть равными ни по природе, ни по социальному статусу. Но сделать людей равными во взаимоотношениях может гармония ритуала — «ли», а придать им человечность — сыновняя почтительность — «сяо».

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Цакале): ладонь – древний символ силы и владения.

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Tsa-Kale): a palm – the ancient symbol of force and possession.

---

[3] Конфуций. Уроки мудрости//Лунь юй. М., 1999. С. 23.
[4] Там же. С. 46.
[5] Конфуций. Лунь юй//Древнекитайская философия. М., 1972, т. 1, гл. 2, 4.
[6] Конфуций. Уроки мудрости... С. 31.
[7] Древнекитайская философия: В 2-х т. М.., 1972–1973, т. 1. С. 167.

Цзюн-цзы для Конфуция – возвышенный идеал, достичь которого дано немногим. Когда у него спросили, считает ли он себя благородным мужем, Конфуций ответил: «В учености я, может быть, не уступлю другим, но в том, чтоб лично стать на деле благородным мужем, я не достиг еще успеха»[8].

Конфуцианская этика и кодекс «Къонахалла» имеют множество параллелей, особенно в трактовке личных качеств «благородного мужа – достойного человека». Къонах, так же как и цзюн-цзы Конфуция, честен и правдив, почтителен к старшим и родителям, обходителен с людьми, избегает клеветы и тех людей, от которых она исходит, судит только самого себя, стремится к справедливости в человеческих отношениях, милосерден, прежде всего к бедным и слабым, не боится смерти, но избегает безрассудства. Цзюн-цзы, так же как и къонах, «ко всему подходит в соответствии с долгом... в словах скромен, в поступках правдив»[9].

Но принципиальное отличие конфуцианской этики от кодекса «Къонахалла» в ее сословном характере. Она выстраивает шкалу нравственных ценностей в соответствии с моделью социально-иерархического устройства китайского общества того времени. Небо – высшая сила и нравственный идеал. Государство построено в соответствии с небесным установлением: роль и место человека в социальной структуре предопределены. Мудрость в управлении государством состоит в человечности и «исправлении имен», то есть отведении каждому подобающего места в социуме и ритуале. Строгое следование ритуалу есть основа социальной гармонии и мира в государстве. Но ритуал без «жэнь» – человечности не имеет нравственного смысла. «Целеустремленный человек и человеколюбивый человек идут на смерть, если человеколюбию наносится ущерб, они жертвуют своей жизнью, но не отказываются от человеколюбия»[10]. Благородным мужем, цзюн-цзы, может стать только аристократ по происхождению, простой человек не сможет приблизиться к этому

Петроглиф на стене боевой башни замкового комплекса XIV–XVI веков (селение Эткали): лабиринт – оберег от блуждающих душ из мира мертвых, путь в мир мертвых.

Petroglyph on the wall of the defense tower belonging to the castle complex of the XIV–XVI centuries (the village of Etkali): a labyrinth – periapt against migratory souls from the world of dead, the way to the world of dead.

[8] Конфуций. Уроки мудрости... С. 61.
[9] Древнекитайская философия... С. 164.
[10] Там же. С. 167.

идеалу, если даже он достигнет определенного нравственного совершенства.

В отличие от конфуцианства, кодекс «Къонахалла» является демократической этической системой. он не знает сословных ограничений, дискриминации по имущественному цензу или генеалогии. Быть къонахом, вести себя как къонах может и представитель другого этноса. Например, в чеченской героико-эпической песне «Илли об Ахмаде Автуринском»[11] как настоящий къонах ведет себя станичный казак, предлагая великому воину и герою Ахмаду Автуринскому отказаться от бессмысленного поединка:

«Дал казак согласье,
Но сказал спокойно,
Обнажая шашку:
«Не будь сиротою,
Ахмад Автуринский,
Не сочти за трусость,
Выслушай, подумай.
Если ты успеешь,
И меня зарубишь,
Люди просто скажут:
«Казака при встрече
Зарубил недавно
Ахмад Автуринский».
Скажут и забудут...
Если я успею,
От казачьей шашки
Ты в бою погибнешь,
И тогда все скажут:
«Ахмад Автуринский
Был убит каким-то
Казаком станичным».
Ты слывешь в народе
Храбрым и бессмертным.

[11] Илли. Героико-эпические песни чеченцев и ингушей. Грозный, 1979. С. 210–211.

Так давай друзьями
Будем мы с тобою.
Девушек здесь нету,
Чтобы свою удаль
Показать пред ними.
Наберись терпенья,
Будет еще случай,
Мы себя покажем,
Ахмад Автуринский!»
Так казак станичный
Предложил джигиту.
И, подумав малость,
Дал свое согласье
Ахмад Автуринский.
И, обнявшись крепко,
Кунаками стали
Два героя наших...»

(Перевод с чеченского Н. Гончарова)

Къонахом может стать каждый, если достигнет определенного нравственного идеала и посвятит свою жизнь служению своему народу и Отечеству.

Кроме того, важным отличием чеченского къонаха от цзюнцзы Конфуция является возведенное в абсолют понятие чести и личного достоинства у первого. В этом отношении кодекс «Къонахалла» в определенной мере перекликается со средневековым европейским рыцарским кодексом.

Рыцарство зарождается в Европе в XI–XII веках как обособленная социальная группа со своей системой нравственных ценностей и поведенческими нормами.

Рыцарский кодекс в канонизированном виде появляется в позднем Средневековье как реакция на растущую социальную и политическую роль мещанства[12]. Нормы рыцарской

Петроглиф на замковом камне арки оконного проема мечети XVIII века в селении Никарой: крест – древний языческий символ-оберег от злых духов со всех сторон света. В исламе крест – символ четырех сторон света.

Petroglyph on the keystone of the window arch of the mosque of the XVIII century in the village of Nikaroi: a cross – the ancient pagan symbol-periapt against malicious spirits from different cardinal points. In Islam a cross symbolizes four cardinal points.

[12] Оссовская М. Рыцарь и буржуа. Исследования по истории морали. М., 1987. С. 67.

этики предъявляют завышенные, очень жесткие требования к личности и поведению рыцаря, так же как и чеченский этический кодекс к къонаху. Это не только делает социальную группу закрытой, но и возвышает ее и в нравственном, и в военном отношении над другими сословиями.

Ритуал посвящения в рыцари распространяется в начале XII века. Посвящение в рыцари означает магическое повышение, избранность, вступление в привилегированное сословие и вместе с тем – возложение обязанностей, осознание своей этической миссии служения Богу и королю, аристократической фамилии, покровительства слабым[13].

Рыцарский идеал не был неизменным. Если в Раннем Средневековье это грубый воин с анархическими наклонностями, то чуть позднее он превращается в рыцаря-защитника, главными чертами которого становятся милосердие и христианская забота о слабых и обиженных. Следующей ступенью эволюции рыцарского идеала являются кодекс благородных манер и идеология любви, возвышающая рыцаря не за воинские победы и героизм, а за его внутренние достоинства[14].

Рыцарь – прежде всего вооруженный всадник, обладающий недюжинной физической силой и прекрасно владеющий оружием. Он имеет хорошее происхождение, отличается внешней привлекательностью и внутренней гармонией. Рыцарь постоянно стремится к славе, поэтому отвага является его важнейшей чертой. Он горд, но не тщеславен. Для того, чтобы его не сочли трусом, он готов пожертвовать не только своей жизнью, но и жизнью своих соратников.

Славу рыцарю приносит не столько победа над врагом, сколько его поведение на войне. Рыцаря, как и къонаха, отличают уважение к врагу и желание победить его в равном, открытом бою. Для него неприемлемо использовать слабость противника или убить безоружного врага.

Рыцарь должен быть великодушным. Великодушие как бы подразумевает все лучшие рыцарские качества (власть, отва-

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Ошни): прямоугольник с перекрестием – древнейший символ-оберег от всех несчастий.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Oshnī): a rectangle with a cross line – the most ancient symbol of the earth, which is protected from all misfortunes.

[13] Этика//Под общей редакцией А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко. М., 2006. С. 248.
[14] Там же. С. 256.

гу, честь, щедрость), а также просвещенность[15]. Великодушие рыцаря на войне проявляется прежде всего по отношению к побежденному врагу. Для него важно не только сохранить последнему жизнь, но и пощадить его личное достоинство, оказать уважение как достойному противнику. В этом отношении нормы рыцарской этики полностью тождественны кодексу къонаха.

Рыцаря отличали щедрость, широта натуры и даже расточительность, так как он являлся представителем высшего сословия и был ориентирован на его ценности. Война и доходы, связанные с землевладением, а также плата за службу были основными источниками благосостояния рыцаря. Торговля и крестьянский труд считались занятиями, для него недостойными.

Кроме того, для рыцаря характерны «верность своим обязательствам по отношению к равным себе»[16], благодарность за сделанное ему добро, верность товарищескому долгу, забота о сиротах и вдовах павших соратников, поддержка обедневших членов своего сословия. В отношениях с людьми рыцарь должен быть открыт и правдив, он не скрывает своей ненависти или приязни к ним, не склонен к похвале или лести, но и никого не осуждает.

Рыцарь не подлежит физическому наказанию, предстает перед судом чести и несет главным образом моральную ответственность[17].

Полное отрицание физического наказания для человека свойственно не только кодексу къонаха, но и чеченскому менталитету вообще. «Битый палкой волк становится псом» — гласит чеченская пословица. Так же как и для къонаха, личная честь для рыцаря является высшей ценностью, поэтому он предпочитает смерть унижению. В своих действиях, как и къонах, он исходит из соображений долга и чести. Но именно в трактовке этих понятий сущность принципиального отличия рыцарской этики от кодекса къонаха.

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Кокадой): двойная спираль – древний символ-оберег, напоминает форму нашей Галактики.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Kokadoi): a double spiral – the ancient symbol reminds the form of our Galaxy.

[15] Этика//Под общей редакцией А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко. М., 2006. С. 254.
[16] Оссовская М. Указ. соч. С. 85.
[17] Этика//Под общей редакцией А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко. М., 2006. С. 252.

Долг рыцаря — это сословная норма, определяемая его взаимоотношениями с сюзереном, которая, по сути дела, является формой принуждения. Он обязан разделить любую участь сюзерена и, если потребуется, отречься от моральных обязательств перед другими людьми, не прислушиваться к здравому смыслу, не принимать во внимание собственных привязанностей[18]. К тому же этот долг щедро оплачивался сюзереном, в противном случае рыцарь мог перейти на службу к другому.

Долг къонаха — это внутреннее осознание своей священной миссии служения народу и Отечеству, акт доброй воли. Для къонаха важно не только следование своему долгу, но и нравственное соответствие своей высокой миссии. Иначе она будет несостоятельной.

В самурайской этике долг вассала перед сюзереном определялся не только и не столько платой за службу. Между ними существовала связь духовного характера. о тношения «сюзерен — вассал», «господин — слуга» дополнялись и, можно сказать, освящались отношениями «учитель — ученик», «отец — сын». Здесь можно говорить об определенном влиянии конфуцианства, которое получило широкое распространение в средневековой Японии. При этом требования, предъявляемые к самураю, были гораздо жестче, чем к рыцарю, и цена за несоответствие им была только одна — жизнь.

Самураи в средневековой Японии — в широком смысле — все дворянское сословие. В этом значении понятие «самурай» тождественно слову «буси» — воин. В узком смысле самураи — военное сословие небогатых дворян, которое с XII века стало играть активную роль в политической жизни Японии. В основной своей массе самураи являлись вассалами владетельных князей (дайме), при этом многие из них были землевладельцами. Единственным занятием, достойным самурая, считалось военное дело, хотя в определенном случае он мог себе позволить заниматься и обработкой земли. Но ни

---

[18] Этика//Под общей редакцией А.А. Гусейнова, ЕЛ. Дубко. М., 2006. С. 250.

при каких обстоятельствах самурай не должен был заниматься торговлей и ростовщичеством.

Самурай с детских лет готовился к своей суровой, полной жестоких битв жизни. Он должен был быть физически крепок и вынослив, прекрасно владеть любыми видами оружия, знать тактику и стратегию боя. Кроме того, он обучался искусству верховой езды, светским манерам, письму, литературе и истории. Как писал известный буси, «самурай должен знать грамоту. Если он не учится, он не сможет постичь причины вещей, как прошлых, так и настоящих. И каким бы опытным и мудрым он ни был, он обязательно когда-нибудь окажется в большом затруднении, если у него недостаточно знаний»[19].

Жизнь самурая, его поведение, взаимоотношения с сюзереном определялись «Бусидо» – неписаным сводом правил. В течение столетий эти правила передавались из уст в уста и только в XVII веке получили письменное оформление.

«Бусидо» имеет удивительное сходство с чеченским этическим кодексом «Къонахалла» в трактовке основных этических категорий и нравственных принципов.

В основе самурайской этики лежит понятие «порядочности или справедливости», по своему значению в определенной мере тождественное конфуцианскому «жэнь» – человечность, человеколюбие и чеченскому «адамалла» в том же смысле. Как писал известный японский буси, «порядочность есть способность без колебаний принимать рассудительное решение согласно определенным правилам поведения... умирать, когда пришло время смерти, наносить удар, когда настало верное время для удара»[20]. Без порядочности ни талант, ни образование не смогут сделать из человека самурая.

Мужество в «Бусидо», как и в чеченском кодексе, осмысливается прежде всего как выдержка, хладнокровие, самообладание в любой ситуации. «Ворваться в самую гущу сражения и быть убитым довольно легко... но подлинная смелость в том,

Петроглиф на арочном камне жилой башни XIV–XVI веков (селение Химой): классическая свастика – символ вечности.

Petroglyph on the arch stone of the living tower of the XIV–XVI centuries (Khimoi village): a classical swastika – the symbol of eternity.

[19] Книга самурая. СПб., 2000. С. 70.
[20] Инадзо Нитобэ. Бусидо Дух Японии. Киев, 1997. С. 26.

чтобы жить, когда время жить, и умирать только тогда, когда настало время умирать», — писал князь Кито[21]. Истинный самурай должен быть всегда сдержанным — ничто не должно выводить его из душевного равновесия. Он хладнокровен и в гуще сражения, и на пиру. При любых обстоятельствах он сохраняет ясный и холодный ум.

Именно поэтому одним из важнейших качеств самурая, так же как и къонаха, является самообладание. Считалось, что самурай лишается мужества, когда позволяет лицу выдать свои эмоции. Какие бы чувства он ни испытывал, его лицо не должно было проявлять ни радости, ни печали. Но при внешней сдержанности самурай должен быть внутренне сострадательным и милосердным. Его милосердие должно проявляться в первую очередь к слабым и беззащитным. По отношению к побежденному врагу самурай должен быть великодушным. По этому поводу самураи говорили: «Не быть охотником тому, кто убивает птицу, укрывшуюся у него на груди»[22].

При всей своей мужественности и воинственности истинный самурай должен быть миролюбивым и благожелательным к людям: «Хотя многое может ранить твою душу, три вещи ты можешь прощать: ветер, приминающий твои цветы, облако, скрывающее твою луну, и человека, пытающегося найти повод для ссоры с тобой»[23].

Внешним выражением благожелательности и сопереживания должны быть почтительность и вежливость. Но и они должны быть ограничены рамками благопристойности — приличие, выходящее за рамки допустимого, превращается в ложь[24]. Все это останется только маской, если самурай не будет искренен и правдив. Высокий социальный и нравственный статус самурая требовал от него огромной ответственности за данное им слово. Слово самурая имело такой вес, что не нуждалось в письменном подтверждении или клятве. Клятву он, так же как

Петроглиф на стене боевой башни XI–XII веков (селение Хаскали): тройная спираль – древний символ-оберег.

Petroglyph on the wall of the defense tower belonging to the XI–XII centuries (Khaskali village): a threefold helix – the ancient symbol-periapt

[21] Инадзо Нитобэ. Бусидо Дух Японии. Киев, 1997. С. 29.
[22] Там же. С. 37.
[23] Там же. С. 33.
[24] Там же. С. 46.

и къонах, считал для себя унизительной, так как необходимость в ней ставила под сомнение его способность оставаться верным своему слову.

Однажды известный самурай должен был поклясться, что он беззаветно предан какой-то идее. Но он сказал: «Слово самурая тверже металла. Поскольку я запечатлел это слово в себе, причем тут клятва?» После этого его торжественная клятва была отменена[25].

Къонаха и самурая также объединяет одинаковое отношение к смерти.

Къонах готов умереть в любое время, если этого потребует долг[26] или судьба. Каждый самурай, согласно «Бусидо», должен прежде всего думать о том, как встретить неизбежную смерть. И в сражении, и в мирной жизни он должен быть готов в любой момент, в случае необходимости, расстаться со своей жизнью, но не должен распоряжаться и своей, и чужой жизнью безрассудно. Для къонаха также свойственно осознание неизбежности смерти и, соответственно, преодоление страха перед ней, готовность принять ее достойно. В старинной чеченской песне отношение к смерти къонаха, оказавшегося перед ее лицом, передается с особым трагизмом[27]:

«Ни спасенья, ни чуда не жду, ни подмоги:
В мире, кроме Аллаха, бессмертного нет.
Ты, отважное сердце, не бейся в тревоге,
Чтобы раз умереть, и рожден я на свет».

Единственное сокровище, за которое самурай, так же как и къонах, отдаст свою жизнь не раздумывая, — это честь. Хотя «Бусидо» осуждал вспыльчивость и неуравновешенность, болезненное восприятие любой неловкости как покушения на честь, каждый самурай знал, что «бесчестие подобно шраму

Петроглифы на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Химой): двойные спирали, ладонь, лабиринт.

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Khimoi): double helixes, a palm, and a labyrinth.

[25] Книга самурая. СПб, 2000. С. 100.
[26] Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев//Этнографическое обозрение. 1994. №5. С. 42.
[27] Чеченские песни. Пер. Н. Гребнева. М., 1995. С. 12.

на коре дерева, который со временем не стирается, но лишь становится крупнее»[28].

Принципиальное отличие самурайской этики от чеченского этического кодекса – в ее сословном характере. Ведь в «Бусидо» выделялись три первостепенных качества: «верность сюзерену, правильное поведение и храбрость»[29]. Долг верности господину был основополагающим принципом кодекса самурая.

Кроме того, в случае бесчестья самурай должен был совершить ритуальное самоубийство – харакири и совершить его хладнокровно, мужественно, с соблюдением всех правил. Ритуальное самоубийство – одно из важных составляющих «Бусидо». Оно главным образом определяет его национальную специфику, придает ему трагический характер.

Чеченский менталитет и религия во все времена самым жестким образом осуждали самоубийство, поэтому человек, совершивший его, обрекал свое имя на бесчестье и позор. В отличие от самурая, къонах мог вернуть утраченную честь только через достойную смерть в справедливой войне или должен был навсегда покинуть родину и обречь себя на вечное странствие в чужой земле.

Несмотря на то, что «Бусидо» был этическим кодексом военной аристократической элиты, он оказал сильнейшее нравственное воздействие на историю Японии, на все сословия японского общества и в конце концов стал общенациональным кодексом. В самые трагические времена японской истории кодекс самураев становился единственной нравственной опорой, на основе которой буквально из пепла возрождался великий дух японского народа.

Кодекс «Къонахалла», в отличие от «Бусидо», не является общенациональным, это – кодекс духовной элиты, которая сегодня еще только возрождается в недрах чеченского общества, но он пока еще остается абсолютной нравственной вершиной, достичь которую мечтает каждый чеченец[30].

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Цакале): розетка – древнейший солярный знак.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of the Tsa-Kale): a rosace – the most ancient solar sign.

[28] Инадзо Нитобэ. Бусидо Дух Японии. Киев, 1997. С. 52.
[29] Книга самурая. С. 26.
[30] Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев. С. 41.

Рыцарский кодекс в Европе в новое время трансформировался в этику благородного человека, «джентльмена». Этика джентльмена, несомненно, имеет множество параллелей с кодексом къонаха, хотя она так же, как рыцарский кодекс, носила узкосословный характер и ее сущность определялась прежде всего аристократическим происхождением. По Р. Стилу (начало XVIII века), джентльменом можно считать человека, который «способен хорошо служить обществу и охранять его интересы». При этом ему присущи такое достоинство и такое величие, какими только может обладать человек, а также ясный ум, свободный от предубеждений, и обширные познания. Джентльмен чувствителен, но свободен от неумеренных страстей, полон сочувствия и доброжелательности, правдив и настойчив в достижении цели.

Кроме того, он должен выделяться отвагой и щедростью. его отличают немногословность и недоверие к эмоциональным оценкам, хладнокровие и самообладание в самых сложных ситуациях, щепетильность в вопросах чести и скромность, утонченные манеры и простота в общении.

В XX веке Бертран Рассел, рассуждая о наследии рыцарской этики в европейской нравственности, писал: «Вера в принцип личной чести, хотя ее последствия бывали нередко абсурдны, а временами — трагичны, имеет за собой серьезные заслуги и ее упадок отнюдь не является чистым приобретением...

Если освободить понятие чести от аристократической спеси и склонности к насилию, то в нем останется нечто такое, что помогает человеку сохранять порядочность и распространять принцип взаимного доверия в общественных отношениях. Я не хотел бы, чтобы это наследие рыцарского века было совершенно утрачено»[31].

Если рыцарскую этику унаследовала аристократия, то мещанство (мелкая буржуазия, средний класс) в Европе создало свою философию нравственности, в основе которой лежали ценности и принципы протестантизма.

Петроглифы на стене боевой башни XIV–XVI веков (селение Тертие): классический триквестр – символ круговращения всего сущего, человек, конь, лук со стрелами.

Petroglyphs on the wall of the defense tower of the XIV–XVI centuries (the village of the Tertie): classical trikquester – the symbol of circuit of all outdoor, a person, a horse, a bow with arrows.

[31] Рыцарь и буржуа. С. 138.

Мелкобуржуазная этика культивировала личность, основными достоинствами которой были умеренность, аккуратность, бережливость, трудолюбие, устремленность в земные дела, трезвость ума и упорядоченность. Бережливость возводилась в абсолют, становилась, по сути дела, отречением от всех радостей жизни. Человек должен был добиваться положения в обществе благодаря не происхождению, а личным заслугам, которые определялись трудолюбием, целеустремленностью, методичностью. Мужество, благородство, щедрость, великодушие считались непозволительной роскошью людьми, для которых мерилом всего были деньги, а идеалом личности – посредственность, добившаяся высокого положения в обществе умеренностью и почтительным отношением к общественной иерархии. Ценность человеческой личности определялась величиной его капитала. При этом мелкобуржуазная этика отличалась крайним утилитаризмом в отношении религии и других духовных сфер. «Добродетель следует измерять полезностью. Быть в меру добродетельным выгодно. Честность способствует увеличению кредитоспособности. Быть образованным нужно лишь в такой мере, в какой это будет способствовать развитию предприятия. Красота предмета или явления определяется степенью его полезности». Подобная философия порождала личности в высшей степени бездуховные и серые. Кроме того, она культивировала крайний индивидуализм и безразличие к жизни общества в целом.

Мелкобуржуазная этика во многом определила характер нравственности так называемого «среднего класса» в современных европейских странах. Несомненно, она претерпела определенную ценностную эволюцию, связанную с влиянием других этических систем и изменением социально-экономических условий, но осталась неизменной ее сущность, отрицающая ценность высоких нравственных качеств и идеалов и признающая деньги единственным мерилом всего и вся в человеческом обществе.

И в этом виде она в определенной степени свойственна современному чеченскому обществу, которое находится

в состоянии глубокого нравственного кризиса. Подобное положение усугубляется еще и тем, что война застала чеченское общество на переходном этапе от традиционного уклада к гражданскому обществу. Этот переход сопровождался трансформацией общественных структур и институтов, ломкой привычного жизненного уклада, девальвацией традиционных нравственных ценностей, что привело не только к коренным изменениям в менталитете и общественном сознании, но и к определенной нравственной деградации общества.

Война, с одной стороны, ускорила процесс разложения традиционного общества, с другой — стала непреодолимым препятствием для становления гражданского общества. Чеченское общество оказалось полностью деструктурированным и маргинальным, когда ни традиционные, ни государственные, ни общественные институты не оказались способными повлиять на его состояние и организацию. Утратив интерес к традиционным ценностям, чеченцы в большинстве своем не обратились к ценностям открытого, гражданского общества. Обращение к религии у многих людей носило характер профанации. Вследствие этого нравственный кризис осложнился религиозным расколом.

Кровопролитные военные действия и гибель большого количества людей, прежде всего мирного населения, и вследствие этого обесценивание человеческой жизни вообще, способствовали девальвации универсальных этических ценностей и углублению нравственного кризиса. Хотя, в общем, эти же процессы, но вызванные сильнейшим шоком вследствие смены государственной идеологии и социально-экономического уклада, были свойственны и всему российскому обществу. Но именно в Чечне по вполне объективным причинам они приняли крайние формы.

Чеченское общество сегодня ищет выход из нравственного тупика. Эти нравственные искания пока еще не очень осмысленны. Мы подобны слепому и глухому человеку, который пытается найти выход из сложнейшего лабиринта. Обращение к формальной стороне религии в ущерб ее внут-

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Жогалдой): спираль – символ плодородия и благодати.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Zhogaldoi): a helix – the symbol of fertility and delight.

ренней сути не только не способствует нравственному возрождению, а, наоборот, может завести нас в очередной тупик, выбраться из которого нам будет практически невозможно, так как потеря этнической идентичности является смертью для любого этноса.

Обращение же к духовному и нравственному наследию наших предков будет способствовать успешному завершению этого поиска, будет способствовать духовному и нравственному возрождению чеченского народа. Частью этого великого наследия и является этический кодекс «Къонахалла».

Кодекс «Къонахалла» не охватывает всего многообразия чеченской этики, которая представляет собой сложную и многоступенчатую систему. Но он является ее вершиной, ее нравственной квинтэссенцией.

В основе кодекса — долг перед Отчизной, перед народом, принимаемый на себя къонахом добровольно. В этом отношении понимание долга — «декхар» къонахом полностью соответствует трактовке Иммануила Канта[32], который называет долгом необходимость действия из уважения к нравственному закону. Къонах следует своему долгу перед народом, Отчизной, исходя из внутреннего осознания этого долга. Он не ждет за это награды ни в этом мире, ни в потустороннем. Его поступки определяются не страхом перед воздаянием или небесной карой, а его доброй волей. Для къонаха следование долгу — высокая священная миссия, которая требует от него огромных нравственных усилий. Мессианство, по мнению Я.Чеснова, заложено в самой структуре личности, в центре которой находится къонах. Этими чертами и своей ролью в обществе къонах приближается к положению Спасителя[33].

Известный чеченский этнолог Саид-Магомед Хасиев в ценностной шкале чеченцев выделил три уровня категорий: 1 — «радующие глаз», «видимые», т.е. бросающиеся

Петроглифы на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Шикарой): крест – языческий оберег, и ладони – символы силы и власти.

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the Shikaroi): a cross – the pagan periapt and palms – symbols of force and authority.

[32] Кант. И. Основы метафизики нравственности//Сочинения: В 6 т. М., 1965. т. 4(1). С. 274.

[33] Чеснов Я.В. Женщина и этика жизни в менталитете чеченцев/Этнографическое обозрение. 1994. № 5. С. 42.

в глаза: адамалла – человечность, цIано – духовная чистота, юьхь – лицо, гIиллакх – этикет; 2 – «радующие сердце», т.е. менее демонстративные: кIинхетам – милосердие, нийсо – справедливость, иэхь (бехк, иэс) – стыд, оъздангалла – благородство; 3 – «невидимые», «корни»: ларам – почтительность, бакъо – правдивость, сий – честь, собар – выдержка, терпение. Именно «невидимые» ценности ученый считает базовыми для ценностной шкалы и присущими прежде всего къонаху.

При этом основополагающей категорией ценностной системы чеченской этики и кодекса «Къонахалла» является «адамалла – человечность, гуманность». Она не просто занимает первое место в структуре ценностной шкалы, а является ее вершиной и фундаментом одновременно. Она трансцендентна для чеченской этической системы, пронизывает ее от основания до вершины, определяет качество и характер других нравственных ценностей.

Адамалла в чеченской этической системе определяется не только категориями гуманности (милосердие, сострадание, сопереживание, великодушие), но и мудростью. В чеченской этике отношение к разуму как критерию морали неоднозначное.

Чеченцы не доверяют разуму[34], если он не сопряжен с сердцем, с интуицией. Поэтому в ценностной шкале разум не выделяется в качестве отдельной категории, в отличие, к примеру, от адыгской этики, в которой Б.Х. Бгажноков отмечает пять постоянных принципов: человечность, почтительность, разум, мужество, честь[35]. Мудрость, представляющая собой гармонию разума и сердца, является не только основой человечности, но и критерием нравственности вообще.

Не менее важным критерием человечности является великодушие, прежде всего великодушие к побежденному врагу. Эта нравственная ценность была настолько важной для чеченцев, находившихся в состоянии перманентных

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Шарой): спираль – символ плодородия и благодати.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Sharoi): a helix – a symbol of fertility and delight.

[34] Черта, характерная для суфизма как религиозно-философской доктрины.
[35] Бгажноков Б.Х. Адыгская этика. Нальчик. 1999. С. 16–20.

оборонительных войн, что сохранилась легенда, посвященная ей. Она была записана С.-М. Хасиевым в конце 60-х годов XX века в одном из горных районов Чечни. Согласно легенде, «души благородных воинов Бог обратил в белых лебедей. Поэтому они спокойны и величественны. А души воинов, давших на войне волю чувству гнева и озлобления, не соблюдавших меру дозволенного по отношению к врагу, прокляты и помещены Создателем под корни самых высоких гор. Но им было обещано, что наступит время, когда они будут освобождены. И если погубленные ими души простят их, то жестокие воины будут прощены Богом и обращены в белых лебедей. А вначале Всевышний превратил души жестоких воинов в журавлей. Поэтому стаи журавлей, улетая каждой весной на север, громко плачут и просят прощения у погубленных ими душ. Лебеди же проделывают весь этот путь добровольно, из-за сострадания к своим согрешившим собратьям, и молятся за них в стране теней».

Жестокость по отношению к побежденному или раненому врагу, по отношению к слабому или беззащитному считается категорически неприемлемой не только в кодексе «Къонахалла», но и в чеченской этике вообще. В поэме А.С. Пушкина «Тазит»[36] главный герой — молодой адыгский князь, воспитанный чеченцем, вступает в конфликт с отцом, отказываясь следовать его морали. Старик-чеченец, возвращая сына князю, горд плодами своих усилий:

«Прошло тому тринадцать лет,
Как ты в аул чужой пришед,
Вручил мне слабого младенца,
Чтоб воспитаньем из него
Я сделал храброго чеченца.
Сегодня сына одного
Ты преждевременно хоронишь.
Гасуб, покорен будь судьбе.
Другого я привел тебе.

Петроглиф на арочном камне входного проема жилой башни XIV–XVI веков (селение Шикарой): триквестр – древний солярный знак.

Petroglyph on the arch stone of the entrance door of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Shikaroj): a trikquester – the ancient solar sign.

[36] Пушкин А.С. Собрание сочинений в одном томе. М., 1984. С. 201.

Вот он. Ты голову преклонишь
К его могучему плечу.
Твою потерю им заменишь –
Труды мои ты сам оценишь,
Хвалиться ими не хочу».

Но старый князь недоволен сыном:

«Где ж, – мыслит он, – в нем плод наук,
Отважность, хитрость и проворство,
Лукавый ум и сила рук?
В нем только лень и непокорство.
Иль сына взор мой не проник,
Иль обманул меня старик»[37].

К удивлению и гневу отца, юноша отказывается напасть на безоружного купца, схватить беглого раба. На вопрос князя, почему он не убил встретившегося ему убийцу брата, Тазит отвечает, что тот «был один, изранен, безоружен...»[38]. Многие исследователи творчества поэта считают, что эти поступки он совершает под влиянием христианской морали. На самом же деле герой поступает как настоящий къонах. Ведь къонах не может напасть на слабого и беззащитного человека. Он не только не может убить раненого и безоружного кровника, но и, согласно чеченскому кодексу, должен оказать ему посильную помощь.

Великий русский поэт был лично знаком с Бей-Булатом Таймиевым, знаменитым чеченским военачальником, мудрым политиком, блестящим дипломатом, настоящим къонахом. А.С. Пушкин писал о нем в «Путешествии в Арзрум»: «Славный Бей-Булат, гроза Кавказа... Приезд его в Арзрум меня очень обрадовал: он был уже мне порукой в безопасном переезде через горы и Кабарду»[39]. Конечно же, поэт имел представление о кодексе «Къонахалла», и это отразилось в образе и поступках главного героя поэмы.

Петроглифы на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Шикарой): крест в круге и кинжал.

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (Shikaroi village): a cross in a circle and a dagger.

[37] Пушкин А.С. Собрание сочинений в одном томе. М., 1984. С. 202.
[38] Там же. С. 203.
[39] Там же. С. 453.

Основой категории «адамалла – человечность» являются гуманность, человеколюбие, милосердие, сострадание, но сострадание в активной форме. Ведь къонах – это прежде всего защитник слабых и беззащитных, их последняя надежда на справедливость в этом несправедливом мире.

Понятие человечности включает в себя также бережное, трепетное отношение к природе, ко всему, что окружает къонаха. Он ощущает себя частью этого огромного мира, в котором все равны перед Вечностью, будь то человек, муравей или дерево. Къонах не может осознанно причинить вред живому существу или растению. Поэтому он очень бережно пользуется благами природы, придерживаясь принципа умеренной необходимости.

Следующей по значимости категорией в кодексе къонаха является «нийсо – справедливость», ею определяются взаимоотношения къонаха с людьми. Некоторыми учеными она трактуется как «равенство», но это связано с тем, что сами носители языка в слове «нийсо – справедливость» улавливают оттенок равенства[40].

Справедливость, так же как и человечность, – одно из важнейших качеств къонаха, так как она выводит его отношение к миру на высокий социальный и духовный, можно сказать, мессианский уровень. Справедливость, как и свобода, была одной из самых востребованных этических ценностей в чеченском обществе во все времена. если свобода – абсолютна[41], то справедливость – ограничение ее на уровне общества[42].

Ее отсутствие в социальных отношениях приводило к кровопролитным внутренним конфликтам, к гражданским войнам. При этом первостепенными в их возникновении были не экономические причины, а нравственные дис-

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Ши-карой): п-образный знак – символ устойчивости.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Shikaroi): a п-shaped sign – the symbol of stability.

---

[40] Чеснов Я.В. Этнокультурный потенциал чеченской нации//Северный Кавказ: этнополитические и этнокультурные процессы в XX веке. М., 1996. С. 44.

[41] Одним из важнейших условий свободы чеченцы считают право свободного выбора. Возможно, поэтому они отдали предпочтение суфийской религиозной доктрине, согласно которой даже Предопределение оставляет человеку выбор между Добром и Злом.

[42] Чеснов Я.В. Этнокультурный потенциал чеченской нации. С. 47.

пропорции в человеческих взаимоотношениях. Тем более справедливостью должен был обладать человек, священной миссией которого было служение Отечеству.

«Цlано — духовная чистота» — одно из важнейших качеств къонаха, так как без него он не может быть по-настоящему человечным и справедливым. Чистота помыслов и устремлений, внутренняя отстраненность от надежды на вознаграждение в земной и небесной жизни — основные составляющие высокой миссии къонаха. С этой категорией связано отношение къонаха к религии.

Религиозная культура къонаха определяется прежде всего влиянием суфизма, так как чеченцы исповедуют ислам в его суфийской форме. Отсюда предпочтение внутренней сути религии перед ее внешней формой, скромность в отправлении религиозных ритуалов, осмысление веры как личной, интимной сферы человека, высокая степень религиозной толерантности.

Для къонаха характерны трепетное отношение к человеческой жизни как к высшей ценности, уважение личного достоинства человека, независимо от его социального статуса, национальной и конфессиональной принадлежности[43]. Именно поэтому эталоном нравственности для него является сам человек, получивший от Всевышнего возможность свободного морального выбора между добром и злом, человек, «способный к совершенствованию на пути самопознания и обретения своего истинного "я"»[44].

С «цlано — духовной чистотой» непосредственно связаны такие этические категории, как «оьздангалла — благородство» и «гIилакх — этикет». «Оьздангалла — благородство» является универсальной нравственной категорией. Она сопряжена также с человечностью и справедливостью. Благородство является признаком хорошего происхождения, высокой внутренней культуры и духовности. Оно придает человечности возвышенность, чистоту и утонченность.

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Жогалдой): древнейшее ритуальное изображение человеческого лица.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village Zhogaldoi): the most ancient ritual image of a human face.

[43] Чеченцы считают къонахом человека любой национальности или вероисповедания, если он соответствует этому званию своими личными качествами и поступками.
[44] Степанян М.Т. Философские аспекты суфизма. М., 1987. С. 50.

Этикет является внешним выражением благородства. У чеченцев этикет был не просто набором утонченных манер, а одухотворенным ритуалом, системой социальных знаков, благодаря которой социальная структура оставалась стабильной. Так же как ритуал – «ли» у Конфуция, традиционный этикет в чеченском обществе сглаживал социальные противоречия, подчеркивал формальное равенство всех его членов, способствовал гармонизации человеческих взаимоотношений внутри общества. Поэтому къонах ни при каких обстоятельствах не мог нарушить этикет.

Основополагающими этическими категориями кодекса къонаха также являются «ларам – почтительность, уважение» и «сий – честь». Ларам – это почтительное отношение къонаха к миру, к людям, к человеческой личности. Оно не зависит от внешних обстоятельств, а присуще ему изначально, существует постольку, поскольку существует сам къонах. «Сий – честь» – это, с одной стороны, внутреннее осознание человеком собственного достоинства, с другой – отношение к этому достоинству общества и отдельных людей. Честь – единственное достояние, которым къонах дорожит больше жизни. Возможно, это связано с тем, что «честь своей последней основой имеет убеждение в неизменности нравственного характера, в силу которой единственный дурной поступок ручается за такой же моральный характер всех последующих, вследствие чего утраченную честь никогда нельзя восстановить»[45]. Адам Смит в «Теории нравственных чувств» писал: «Стремящиеся к успеху весьма часто оставляют дорогу добродетели, чтобы достигнуть положения, вызывающего их зависть, ибо путь, ведущий к богатству, и путь, ведущий к добродетели, часто бывают противоположны друг другу. Но честолюбивый человек постоянно тешит себя мыслью, что по достижении блестящего положения у него будут тысячи средств заслужить уважение людей и что тогда своими поступками он загладит и заставит забыть низкие средства, употребленные им для достижения цели...

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Жогалдой): древнейшее изображение человеческой фигуры.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Zhogaldoi): the most ancient image of a human figure.

[45] Шопенгауэр А. Избранные произведения. М., 1992. С. 235.

Напрасно щедростью, расточительностью, а также государственными делами силится он отвлечь внимание людей от своих прошлых поступков... Среди великолепной пышности и безграничного могущества, среди презренной лести вельмож и ученых, среди менее корыстных, но более громких восклицаний толпы, среди самых славных завоеваний и громких побед честолюбивый человек преследуется внутренним голосом стыда и угрызениями совести. И в то время, как в глазах прочих людей он окружен славой, в своем собственном мнении он опозорен преступлением и охвачен сопровождающим его ужасом»[46].

Трепетное отношение къонаха к чести и личному достоинству связано не с индивидуализмом и эгоцентризмом, а с нравственной высотой его общественной миссии, которая состоится лишь в том случае, если и цель, и средства, и личность будут соответствовать ее абсолюту.

Некоторые исследователи чеченской этики смешивают с честью категорию «яхь» – соперничество в добрых делах и мужественных поступках. Но это – качество, более свойственное для «кIанта – доброго молодца», героя чеченских эпических песен – илли, чем для къонаха. КIант обладает всеми качествами эпического героя: физической силой, мужеством, миролюбием, справедливостью, но нравственная цель его поступков более приземленная, чем миссия къонаха.

Поступки кIанта более ориентированы на публичное одобрение и похвалу. Къонаху «яхь» как этическая ценность не противопоказана, но она не должна бросаться в глаза. По отношению к близким людям, друзьям она совершенно неуместна. По всей видимости, первоначально она была уместна только по отношению к врагу, который вызывал к себе уважение. Старинная притча, которая отражает принципиальное отличие в народном сознании къонаха от кIанта-удальца, была записана С.-М. Хасиевым в одном из горных районов Чечни:

---

46 Смит А. Теория нравственных чувств. М., 1997. С.81.

«На самой вершине утеса стояла боевая башня, которая защищала вход в ущелье, а также с нее передавали сигналы о приближающейся опасности в другие районы гор. Кровлю ее завершал остроугольный камень – цурку. Однажды сокол, пролетая над утесом, сел на этот камень и, очень довольный собой, стал оглядывать окрестные горы.

– Чем же ты так доволен? – спросил у него камень.

– Как же мне не быть довольным, если у меня так все хорошо, – ответил сокол. – Всевышний дает нам три года жизни на этой земле. Я уже два года прожил, но чувствую себя словно мне один год, и прилетел я сюда, поклевав живой печени. Мне подвластны крылья и небо.

– Я же стою на вершине этой башни уже девятьсот лет для того, чтобы она не разрушилась, – сказал камень. – За это время я увидел столько, что, начни я рассказывать об этом даже со времени твоего сотого предка, не хватило бы твоей жизни. Разница между мной и тобой в том, что ты создан для того, чтобы насыщать свой желудок и любоваться своей силой и удалью, я же здесь для того, чтобы не разрушилась эта башня и охраняла мир людей, живущих вокруг».

«Собар – выдержка, терпение» – это особая категория в ценностной системе кодекса. Ее значимость подчеркивается чеченской пословицей: «Къонах собарца вевза – къонах познается по выдержке». «Собар» обладает целым рядом значений, пересекающихся друг с другом. В духовном аспекте – это жертвенность, восхождение на Голгофу ради блага людей.

Кроме того, это – самообладание, выдержка, терпение, мужество. «Къонахчун майралла – собар. Мужество къонаха – выдержка» – гласит чеченская поговорка. «Собар» – это фундамент, на котором держится ценностная система кодекса «Къонахалла». Именно с этой категорией связано отношение къонаха к смерти и судьбе. Къонах сдержанно и с достоинством принимает все удары судьбы, но, ясно осознавая свое право выбирать между добром и злом, между истиной и ложью, между жизнью и существованием, он чувствует себя хозяином своей судьбы. Къонах понимает неизбежность, фатальность смерти и, соответственно, свою обреченность, но,

не испытывая страха перед ней, он ощущает свое превосходство и над судьбой, и над смертью. Это чувство очень глубоко и проникновенно передается в старинной чеченской песне[47]:

«Ты, горячая пуля, коварна и зла,
Но моею рабою не ты ли была?
Ты безжалостна, смерть, твой ужасен предел,
Но не ты ль мне служила, когда я хотел?
Ты, сырая земля, успокоишь меня,
Но топтал не тебя ль я ногами коня?
Ты укроешь меня, успокоишь, а все ж
Только тело мое, а не душу возьмешь!»

Человечность, справедливость, духовная чистота, благородство, почтительность, честь, выдержка — основные категории, составляющие ценностную систему кодекса «Къонахалла». Как система нравственных ценностей она идеальна так же, как и универсальна. Народ, создавший такую систему, не может не иметь в нравственном отношении великого будущего.

Чеченский этический кодекс «Къонахалла» является уникальным памятником нравственной мысли человечества. И, несомненно, он сыграет историческую роль в духовном и нравственном возрождении чеченского народа.

Леча Ильясов

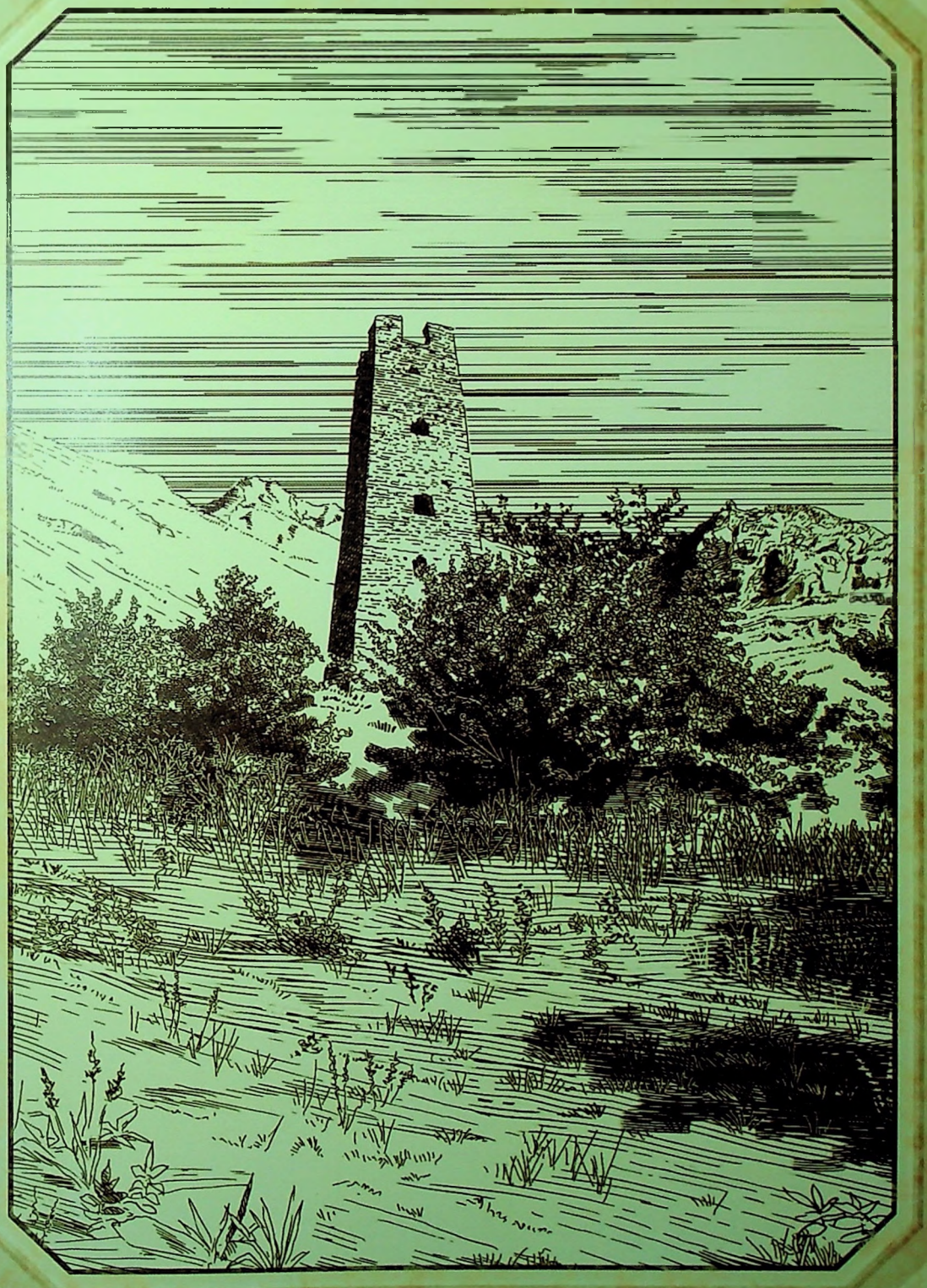
---

[47] Чеченские песни. Пер. Н.Гребнева. М., 1995. С.19.

Чеченский этический кодекс

Кьонахалла

Селение Пого, XIV–XVI вв.
The village of Pogo, XIV–XVI c.

1

Главной целью
и смыслом жизни къонаха
является служение
своему народу
и Отечеству.
Жизнь къонаха должна
быть достойной
его благородных целей.

1

Шен дахарехь
къонахчун коьрта Іалашо ю
шен къоман,
Даймехкан
декхарш кхочушдар.
Къонахчун дахар сийлахь
хила деза,
цуьнан Іалашонаш
санна.

2

Къонах присягает
и дает клятву верности только
своему народу
и Отечеству.
Ради своего народа и Отечества
он готов
пожертвовать жизнью,
но никогда, ни при каких
обстоятельствах
къонах не поступается
личным достоинством
и честью.

2

Къонахчо чIагIойо
шен къомана, Даймахкана
тешаме хила.
Даймехкан дуъхьа къонах
шен са дIадала кийча ву.
Амма шен сий
цхьана хIуманах
цо хуьйцур дац.

3

Высшим проявлением
служения къонаха
является защита Отечества
от нашествия врага.
Смерть в справедливой войне
или при защите
своей чести и достоинства
более предпочтительна
для къонаха,
чем бесславная жизнь.

3

Къонахчун деза декхар ду,
арахьара мостагI
тIамца тIелетча,
Даймохк ларбан.
Нийсо лоьхучу тIамехь
шен сий, къоман сий лардеш
валар цо сийлахь лору,
сий дайна
вахарал.

Селение Коротах, XIV–XVI вв.
The village of Korotakh, XIV–XVI c.

4

Созидательный труд
во благо Отечества
является
таким же долгом къонаха,
как и защита своей страны.
В труде познаются лучшие
качества къонаха, прежде всего
его верность своей великой
миссии.

4

Маьршачу заман чохь
Даймекхан ниIматан дуьхьа
къахьега
къонахчун декхар ду,
тIом болчу хенахь
шен мохк ларбар санна.
Хьаналчу къинхьегамехь
къонахчо шен сийлахь
Iалашонаш кхочушйо.

5

В любых обстоятельствах
къонах должен проявлять
уважение к Отечеству
и выбору своего народа.
Къонах должен с достоинством
принимать этот выбор,
даже если он не совпадает
с его убеждениями
и принципами.

5

Муьлххачу а хьелашкахь
къонахчо
Даймехкан сий дан деза,
шен халкъан харжам
тIеэца а беза,
шен ойла
цуьнца нислуш яцахь а.

6

Къонах должен
помнить о том,
что для него Отечество,
личное достоинство и честь
дороже жизни.
Но когда он вынужден выбирать
между интересами Отечества
и своей честью,
къонах должен покинуть
Отечество.

6

Къонахчунна хаа деза
Даймехкан сий дар а,
шен сий лардар
...сил а деза дуйла.
Даймехкан декхарш а,
шен сий а
къасто дезча ,
къонах Даймохк бита
декхарийлахь ву.

7

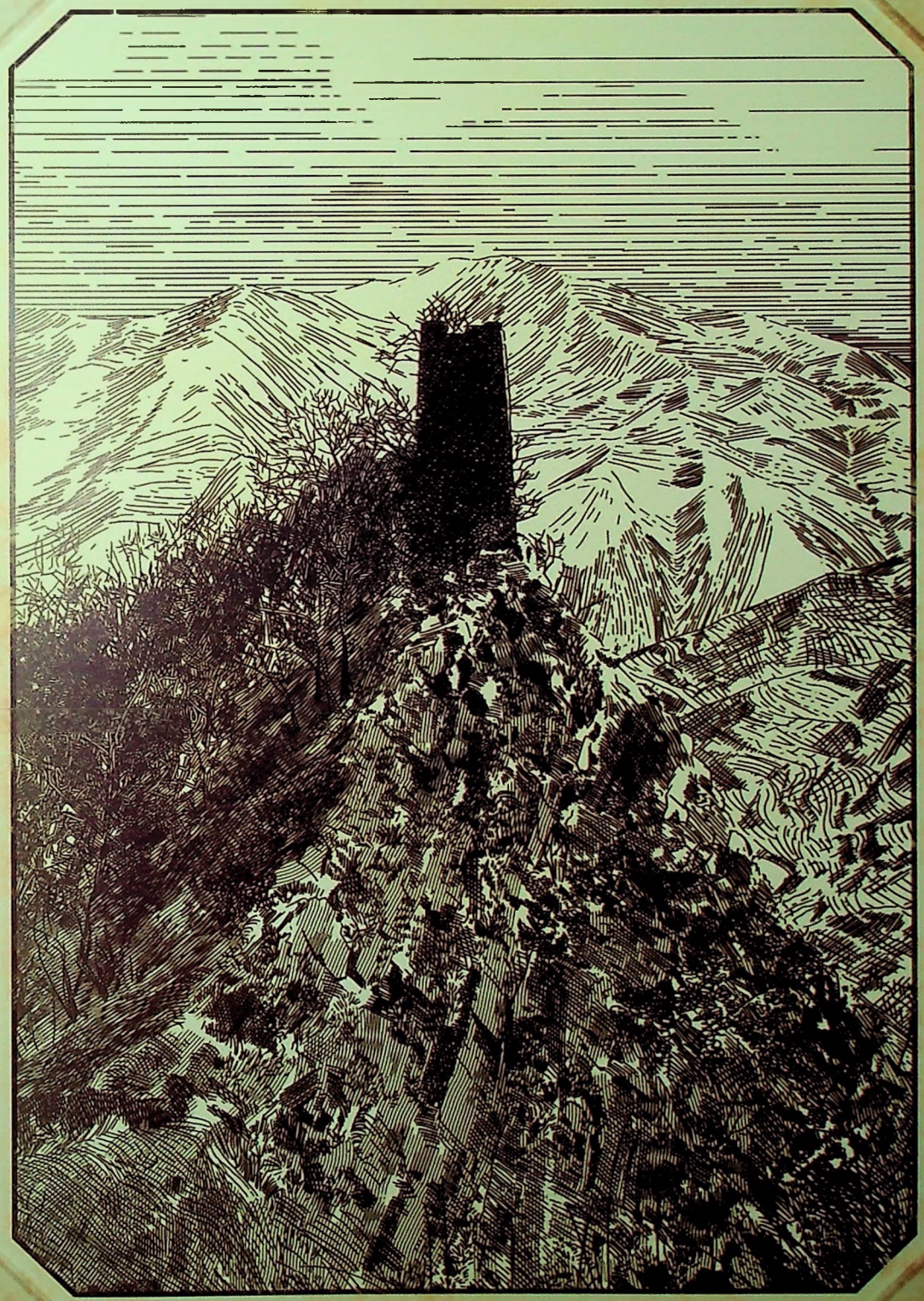
В служении Отечеству
къонах не ждет благодарности
за свои деяния.
Для къонаха нет выше награды,
чем благодарная память
народа.

7

Баркалле са ца туьйсу
Даймехкан декхарш
кхочуш дарехь къонахчо.
Халкъан дагахь
диканца латтарал
деза совгIат дац къонахчунна.

Бекхайлинская боевая башня, XII–XIV вв.
The Bekhayla defense tower, XII–XIV c.

8

Основа
отношения къонаха
к миру —
человечность.
Все, что находится
за ее пределами,
недостойно къонаха.

8

Доллучу хIуманан барам
дуьненчохь адамалла ю.
И шеца йоцург —
къонах лара мегар дац.

9

Сущность человечности —
в мудрости,
гуманном отношении
к миру и людям,
милосердии и сострадании.
Мудрость къонаха —
в гармонии ума и сердца.
Разум оберегает его
от ошибок,
сердце — от равнодушия
к человеческим
страданиям.

9

Синкхетам а,
дикалла а,
къинхетам а
адамаллин сенаш ду.
Хьекъал ду
къонахчунна
дуьнен некъ гойтург а,
ойланаш хуьттург а,
дог ду и некъ нисбйрг.

10

Гуманность и милосердие
къонаха проявляются
не только
в сострадании к людям,
но и в их защите и помощи.
Къонах должен быть
милосердным
прежде всего
к слабым и беззащитным,
ибо в этом —
основа справедливости.

10

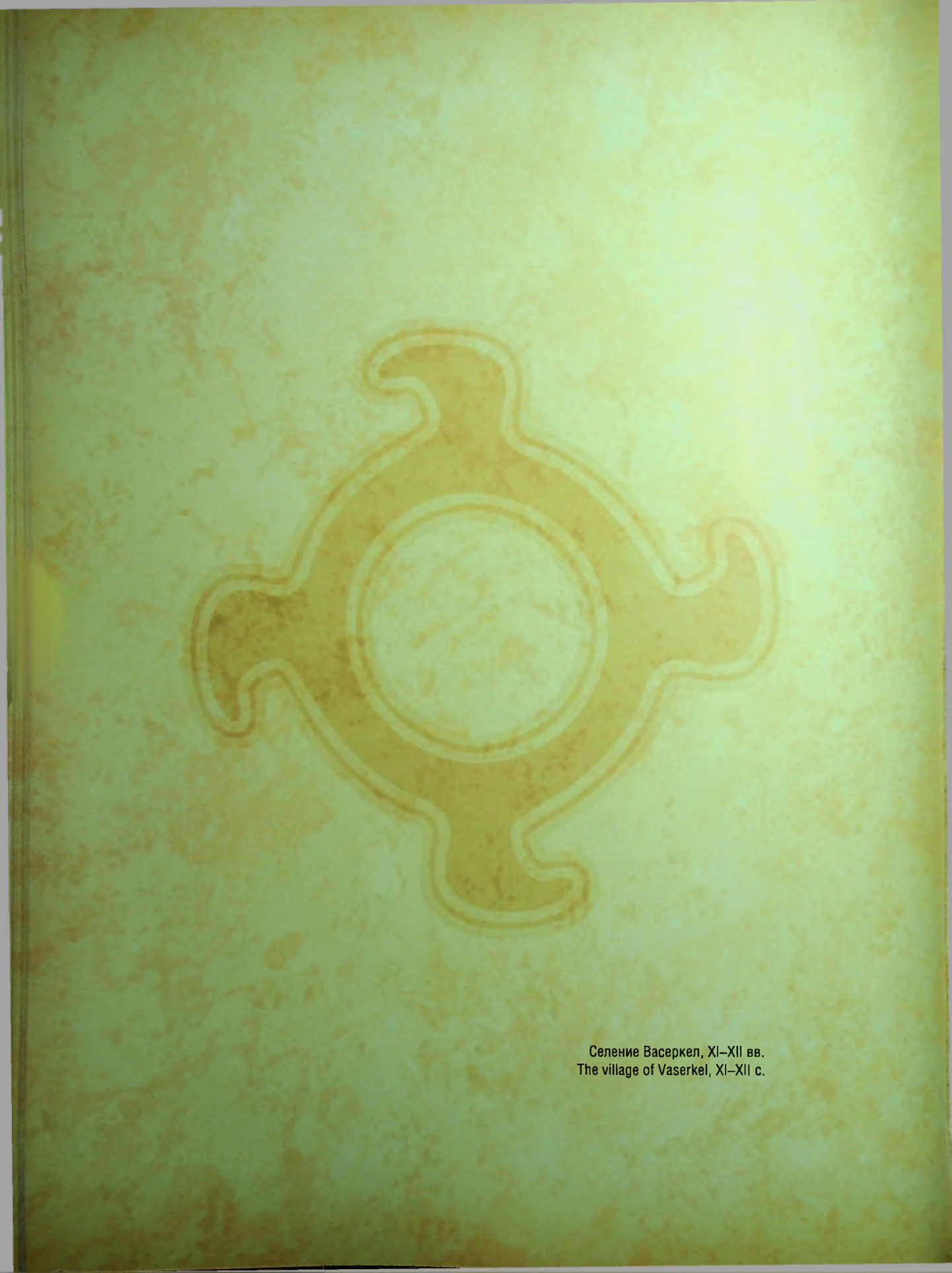
Адамийн бала кхачар
тоьаш дац къонахчунна.
Цуьнан адамалла гучуйолу
уьш вонах ларбарца,
царна гIо дарца.
Къонах къаьсттина
гIийлачух къахеташ а,
цунах дог лозуш хила веза.

11

Справедливость —
истинная мера в отношениях
къонаха с людьми.
Он всегда справедлив к другим
так же, как и к себе.
В своих действиях
по отношению к людям
къонах исходит из принципа
взаимности:
«Не делай другим того,
чего не желаешь себе».

11

Къонахчун
адамашца йолу юкъаметтиг
нийсо ларъеш,
нийсонна тIехь хир ю.
Иза шегахьа оьзна ма хиллара,
бакъ луьйш хила веза
адамашкахьа оьзна а.
Къонахчун амалехь ду
шена ца товш дерг
адамашна ца дар.

Селение Васеркел, XI–XII вв.
The village of Vaserkel, XI–XII c.

12

Благородство къонаха
проявляется не только
в справедливости,
но и в почтительности,
уважении к людям,
независимо от их возраста
и социального статуса.
В общении с людьми
къонах предельно вежлив,
сдержан и скромен.

12

Къонахчун оьздангалла
нийсо ярца гучуяьлла ца Іа,
иза гучуйолу
адамаш лараруа а,
церан хама барца а.
Церан хене я
хьоле ца хьожуш,
къонах нахаца оьзда,
собаре хила веза.

13

Главным богатством къонаха
являются его честь
и личное достоинство.
Все иные блага этого мира
можно обрести вновь,
однажды утратив,
но утраченная честь
обретается вновь
лишь через достойную
смерть.

13

Къонахчун
коьрта хьал — иза цуьнан сий а,
доьналла а ду.
Муьлхха а дуьнен бахам
юхаметтахIотталур бу,
амма сий дайна висча,
и сий юхаметтахIуттур дац,
диканехьа къуьйсуш
валарца бен.

14

Духовная чистота —
это зеркало,
в котором отражаются
внутренняя сущность къонаха
и его деяния.
Без нее не может быть
подлинной человечности
и сострадания.

14

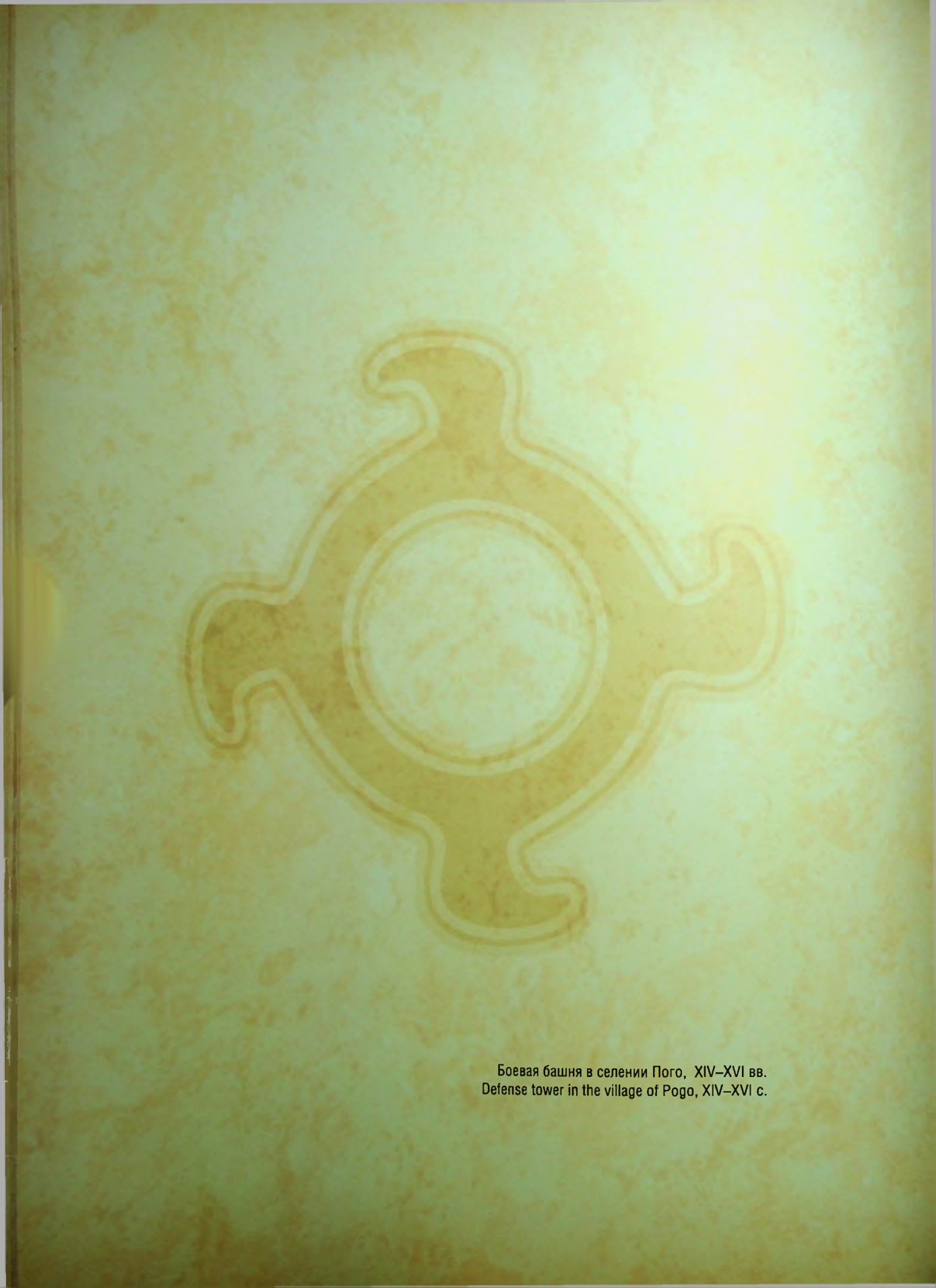
Дог цIена хиларо
куьзган чохь санна гойту
къонахчун лаам, ойла.
ЦIано йоцуш
адамалла, кхинхетам
хила йиш яц.

15

Истинная вера
и справедливость
являются высшей духовной
целью къонаха.
Сущность мира къонах познает
умом и сердцем,
а сущность веры — сердцем
и душой.
Къонах всю свою жизнь
стремится к глубокому
постижению сущности веры
и сущности мира.

15

Тешам, нийсо
къонахчун синкхетаман
лаккхара Іалашо ю.
Къонахчунна дуьне
хьекъалций, дагций доьвзе.
Дин довзар
дагций, синан хаамашций ду.
Къонах ша мел веха
дуьненан а, динан а Іилма
Іамо дезаш ву.

Боевая башня в селении Пого, XIV–XVI вв.
Defense tower in the village of Pogo, XIV–XVI c.

16

Къонах должен
постоянно оттачивать
свой ум, постигать мудрость
и опыт других, изучать науки,
дающие ключ к познанию мира,
так как только через знание
можно прийти
к истинной вере и постижению
справедливости.

16

Къонах декхарийлахь ву
даиманна шен хьекъал ирда,
кхечарна зеделлачух пайда эца,
дуьне довза аьтто беш долу
Іилманаш Іамо.
Кхетамца, хаарца,
Іилманца бен
бакъонна, нийсонна
тІаьхьа кхиалур вац.

17

Къонах должен быть
скромным в религиозных
ритуалах.
Он никогда не подчеркивает
своей религиозности,
не подменяет истинной веры
формой.
Для къонаха
внутренняя сущность веры
всегда важнее
ее внешнего проявления, так как
первое угодно Всевышнему,
а последнее — людям.

17

Къонахчунна
ша Далла гIуллакх дар
шен синкхетамца
дитар гIолехь ду,
цунах нахана
хьалха дозалла ца деш.
Гойтуш дерг
нахана ду,
къайлехь дерг
Делан дуьхьа ду.

18

Кьонах готов
достойно встретить
любые испытания,
которые пошлет ему судьба.
Но он помнит, что Всевышний
всегда оставляет ему выбор
между Добром и Злом,
и готов ответить за свой выбор
перед Богом и людьми.

18

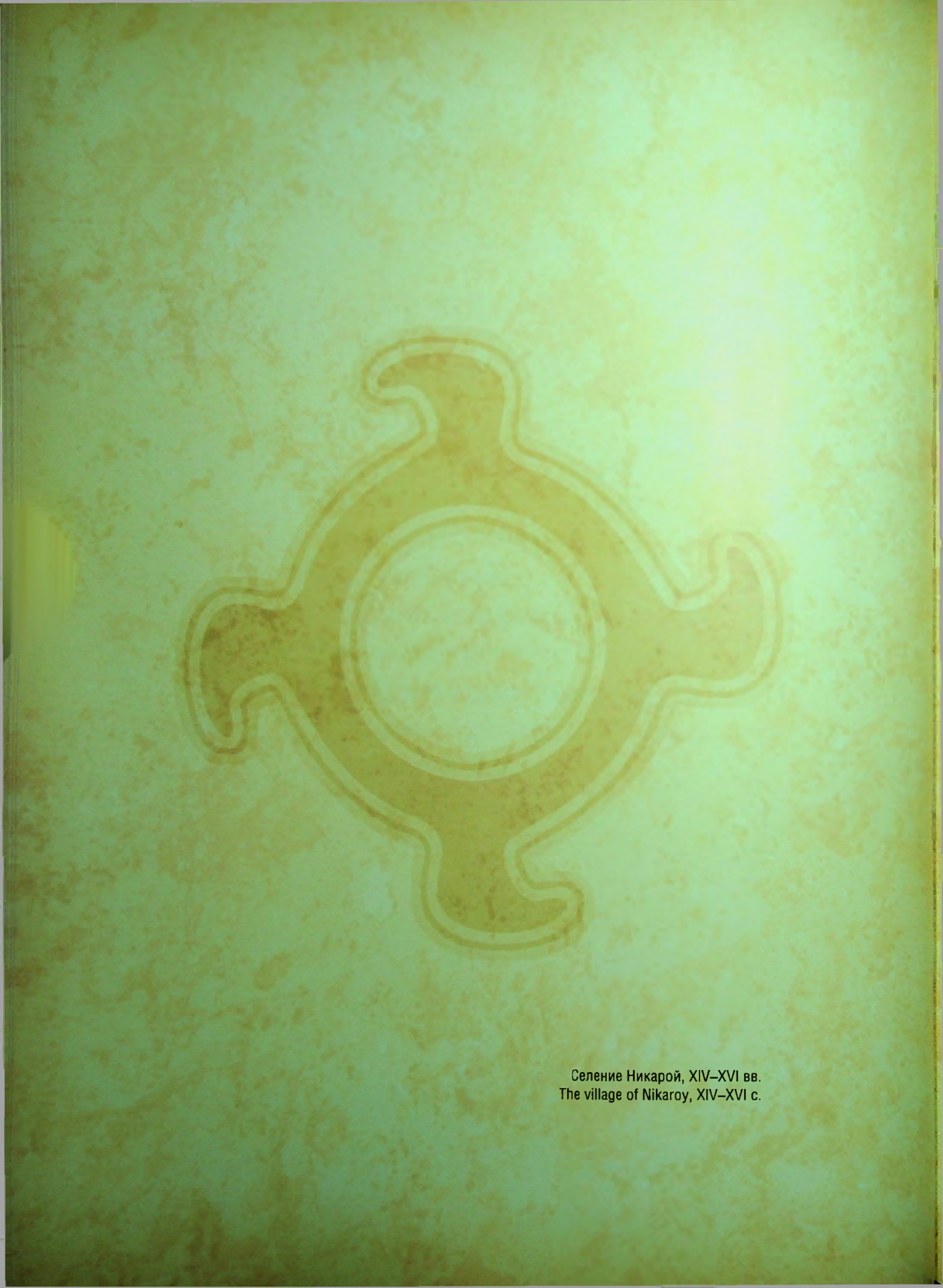
Делан кхоьлаца
тIехIиттина
муьлхха а халонаш лан
къонах кийча ву.
Иза виц ца ло
Далла диканиг дан а, воний дан а,
цу шиннах цхьаъ харжа
шен лаамехь ша витар.

19

Надежда на Всевышнего
не покидает къонаха
никогда.
Она помогает ему
и в неравной битве, и в любых
сложных обстоятельствах.
В ней — источник
его внутренней силы
и терпения.

19

Делан дикане сатийсар
къонахчуьнгахь
даиманна ду.
Цо цунна гIо до
аьтто боцчу тIамехь а,
муьлххачу а чолхечу
хьелашкахь а.
Цуьнца кхоллало
цуьнан ницкъ а, собар а.

Селение Никарой, XIV–XVI вв.
The village of Nikaroy, XIV–XVI c.

20

Къонах не избегает
земных радостей,
так как они дарованы ему
Всевышним.
Но они никогда
не становятся для него
единственным смыслом
существования,
так как он осознает
бренность этого мира
и ощущает дыхание
Вечности.

20

Къонахчо цхьабосса
ойла йо Далла шен
деллачу кху дуьненна а,
Эхартна а.

21

Кьонах терпимо относится
к представителям
других религий,
не навязывает силой
и принуждением им своих
взглядов или образа жизни.
Насилие приводит
к лицемерию,
а оно несовместимо
с истинной верой.
Ведь сказано в Священной
книге:
«Нет принуждения в религии».

21

Къонахоьзда хуьлу
кхечу динехь болчаьрца.
Цо нуьцкъаца
тIе ца дожадо царна шена хетарг
а я дахаран кеп а.
Нуьцкъал тIедожор а,
ша лакхара хетар а
бусалбачу динаца догIуш дац.
КъорIан чохь аьлла ма ду:
«динехь нуьцкъал тIетеIор дац».

22

Истинное мужество
проявляется в терпении
и в умении управлять собой
и ситуацией.
Безумная храбрость — это
мужество с закрытыми глазами,
она простительна юнцу,
не знающему цены ни своей,
ни чужой жизни.
Выдержка къонаха — это
мужество знающего,
осознанный
шаг навстречу смерти.

22

Бакъйолу майралла ю,
мухха а Іоттаделлачу гІуллакхана
шена тІехь урхалла дан
хьекъал а, ницкъ а,
собар а хилар.
Хьекъал доцуш йолу майралла
сонталла ю
шен дахаран а,
я кхечуьнан дахаран а
мах хадо ца хууш.
И ца хаарх
жимчунна бехк буьллийла дац.
Къонахчун собар хилар —
боккха ницкъ бу
валар тІехІоьттича,
и кхетамца тІеэцар.

23

Кьонах никогда не посягает
на личное достоинство и честь
других людей.
При этом он должен быть
снисходительным
к их слабостям и ошибкам,
по возможности
избегая ненужных ссор
и столкновений.

23

Къонахчо шен сий санна
нехан сий лардан деза.
Иза атта доьвне ца волу.
ГIеххьа долу хIума
бегаш тIе а доккхий,
дIадерзадо цо.

Селение Меши, XIV–XVI вв.
The village of Meshi, XIV–XVI c.

24

Къонах должен уметь
не только отстаивать свою
правоту,
но и выслушать чужое мнение,
согласиться с ним,
если оно истинно.
Признать правоту, уступить
в споре или ссоре
является не слабостью,
а проявлением благородства.

24

Къонахчунна
хаа деза шен бакъо къовса а,
кхечунна хеташ долчуьнга
ладогIа а,
иза бакъ велахь тIетан а,
иза бакъ хилар къобал дан а.
Къийсамашкахь
гIийлачунна юхавалар
ледарло а яц, я эшар а дац.
Иза къонахчун оьздангалла ю.

25

Сделанное ему добро
къонах возмещает многократно,
ведь благодарность
является чертой
благородного человека.
Сам же он не ждет
благодарности
за содеянное добро.

25

Шена динчу диканна
баркалла алар —
къонахчун хаза гІиллакх ду.
Шена цхьа дика дича
къонахчо
цунна дуккха а диканаш юхадо.
Ткъа, ша динчу диканна
баркалла аларе цо са ца туьйсу.

26

Къонах должен
достойно вести себя
и в веселье, и в печали.
Тень грусти на лице и мрачное
молчание неуместны на пиру
так же, как смех и многословие
во время тризны.
В любой ситуации он должен
проявлять выдержку
и спокойствие.

26

Къонах
шена хиллачу сингаттамана а,
хазахетаран хьолана а
хийцавелла хила ца веза.
Муьлххачу а хьолехь
иза собаре хуьлу.

27

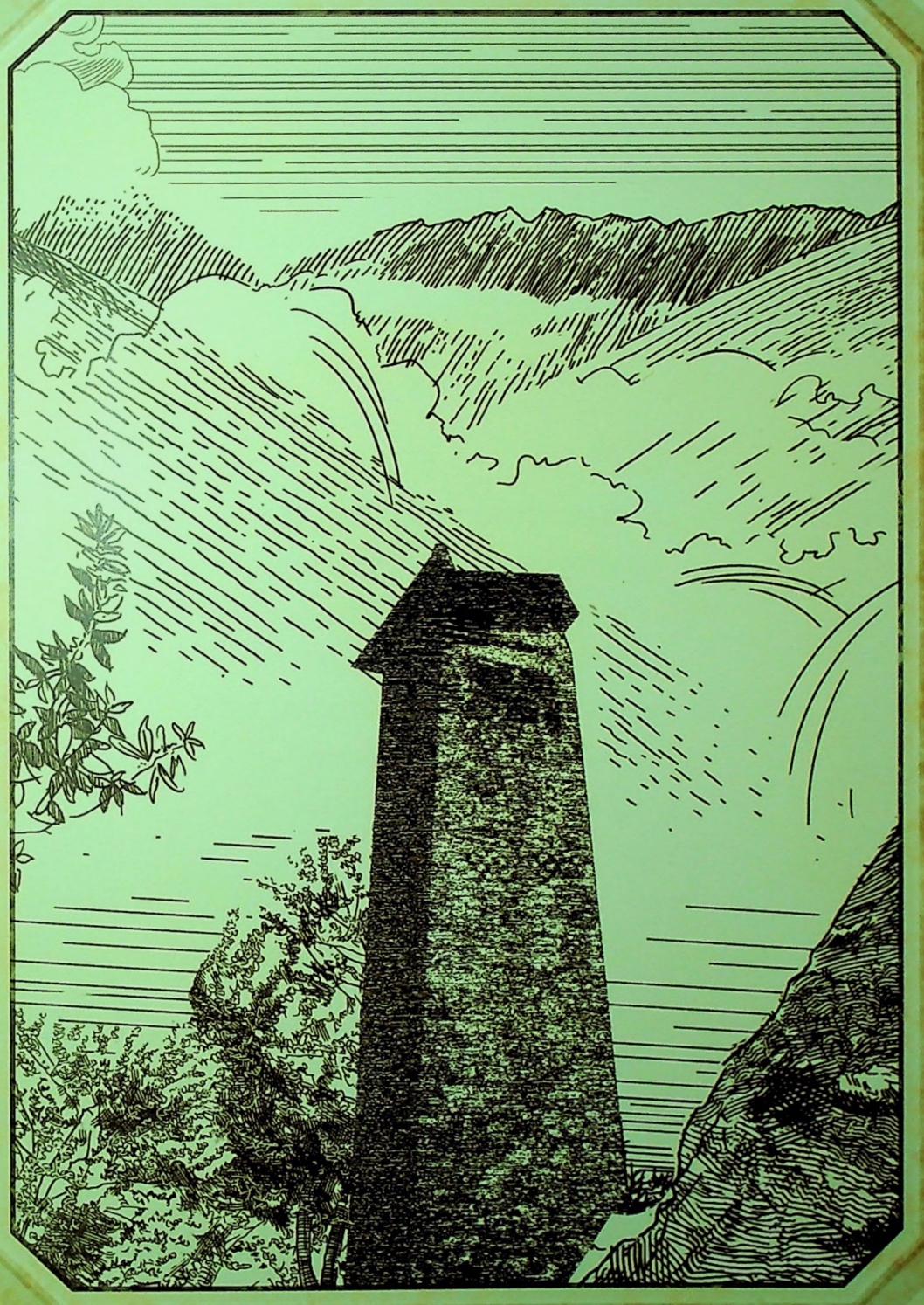
Къонах должен быть
скромным в жизни, в быту,
в общественных делах.
Ум, мужество, деяния къонаха
должны оценить прежде всего
окружающие.
Но даже субъективность
этой оценки не дает ему повода
восхвалять самого себя.

27

Къонах массанхьа
оьзда хила веза.
Цуьнан хьекъалан а,
майраллин а,
доьналлин а мах хадош,
иза воьвзаш гонахь берш бу.
Амма цара и мах нийса ца
хадийнехь а, и бахьна дац
цунна ша-шен хьесто.

Хачаройская боевая башня, XIV–XVI вв.
The Hacharoy defense tower, XIV–XVI c.

28

Благородство къонаха
проявляется в культуре
его поведения.
Никакие обстоятельства
не могут заставить къонаха
нарушить этикет.

28

Къонахчун
оьздангалла гучуйолу
лела хаарца, хазачу
гӀиллакхашца.
Мел чолхе хьелаш кхолладелча а,
къонах оьздангаллех,
гӀиллакхах вухур вац.

29

Къонах должен
уважать и почитать
своих родителей,
заботиться о них,
обеспечивать их старость.
Он должен делить с ними
не только кров и хлеб,
но и радость и горе.

29

Къонах декхарийлахь ву
шен ден-ненан сий дан а,
уьш лара а, царна гIо дан а,
уьш баккхий хилча,
царна оьшург латто а.

30

В своей семье
къонах должен быть
таким же справедливым,
как и в обществе.
И в наказании, и в поощрении
он должен быть
ровным и сдержанным.

30

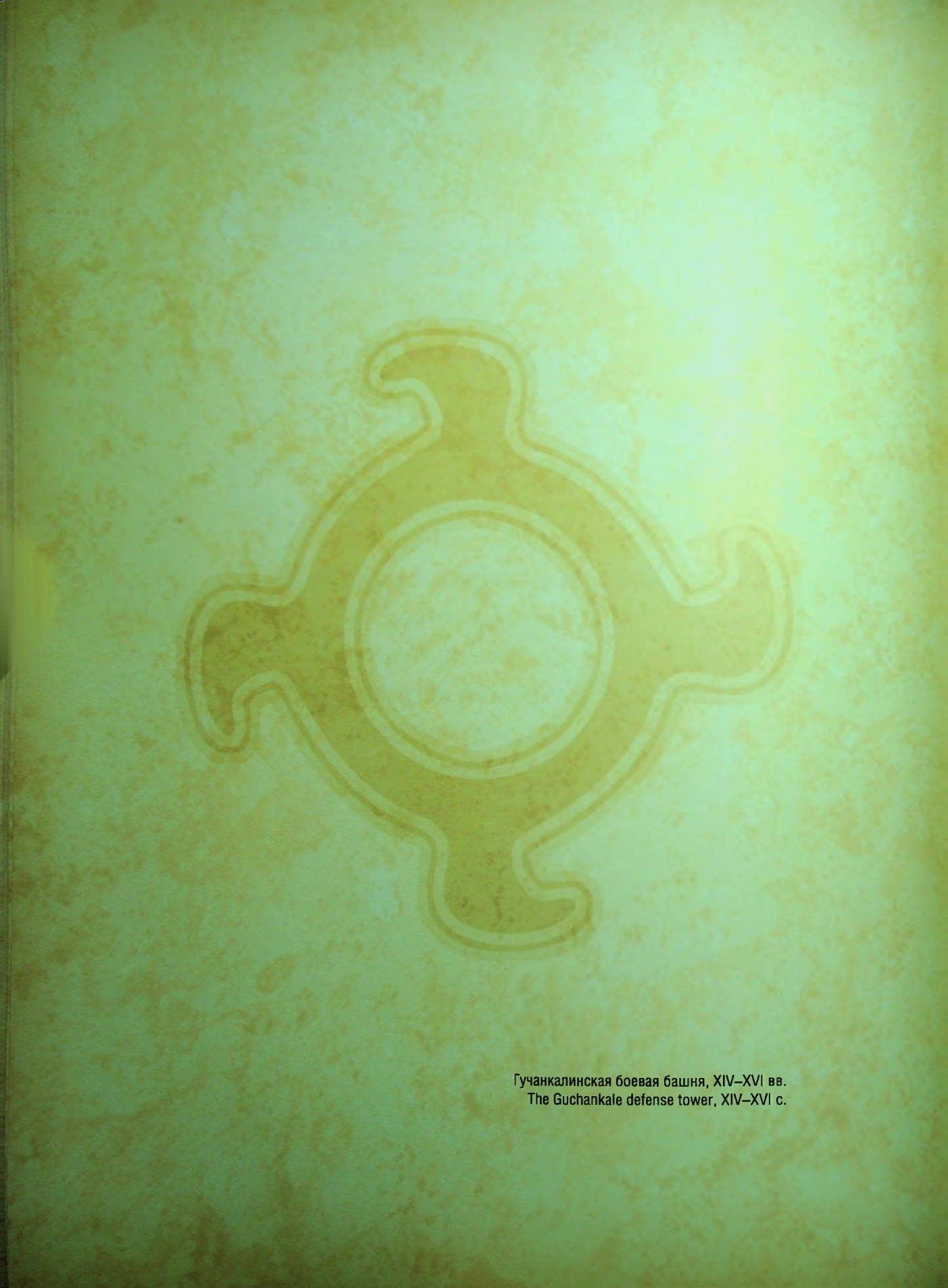
Шен доьзалехь
нийсо латтош а,
гІиллакх, оьздангалла гойтуш
а хила веза къонах
хийрачу,
бехкечу нахана юккъехь
ша волуш санна.

31

Честь и достоинство
женщины
для къонаха неприкосновенны.
Къонах никогда
не позволит
в своем присутствии
обидеть женщину.

31

Зударийн сий а,
оьздангалла
ларъеш хила веза къонах.
Цо ша волучохь
зударшна вас йойтур яц,
уьш маьттаза а бохуьйтур бац,
церан сий а
дойуьйтур дац.

Гучанкалинская боевая башня, XIV–XVI вв.
The Guchankale defense tower, XIV–XVI c.

32

Жизнь женщины
для къонаха
неприкосновенна вдвойне.
Къонах
ни при каких обстоятельствах
не поднимет на нее оружия,
даже в виде угрозы.

32

Зударийн дахар
Къонахчо кхин а чIогIа
лардан дезаш ду.
Муьлххачу а хьелашкахь
къонахчо, уратала и
кхерорхьама а,
зудчунна тIе герз лоцур дац.ц.

33

Къонах никогда
не причинит
боли и страдания детям.
Нет такой цели,
во имя которой
къонах мог бы пожертвовать
их жизнью и здоровьем.

33

Къонахчун
кхин Іалашо яц
берийн дахар а,
церан могашалла
ларъян дуьхьа
шен дахар далар бен.
Къонах
кхузза Іожалла тІеэца
реза хир ву
берана вас ца еш.

34

Закон гостеприимства
для къонаха священен.
Къонах, не сумевший защитить
своего гостя,
обречен на позор и презрение.
Поэтому жизнь и свобода гостя
для него дороже собственной
жизни.
Но он не несет ответственности
за гостя, совершившего
преступление.

34

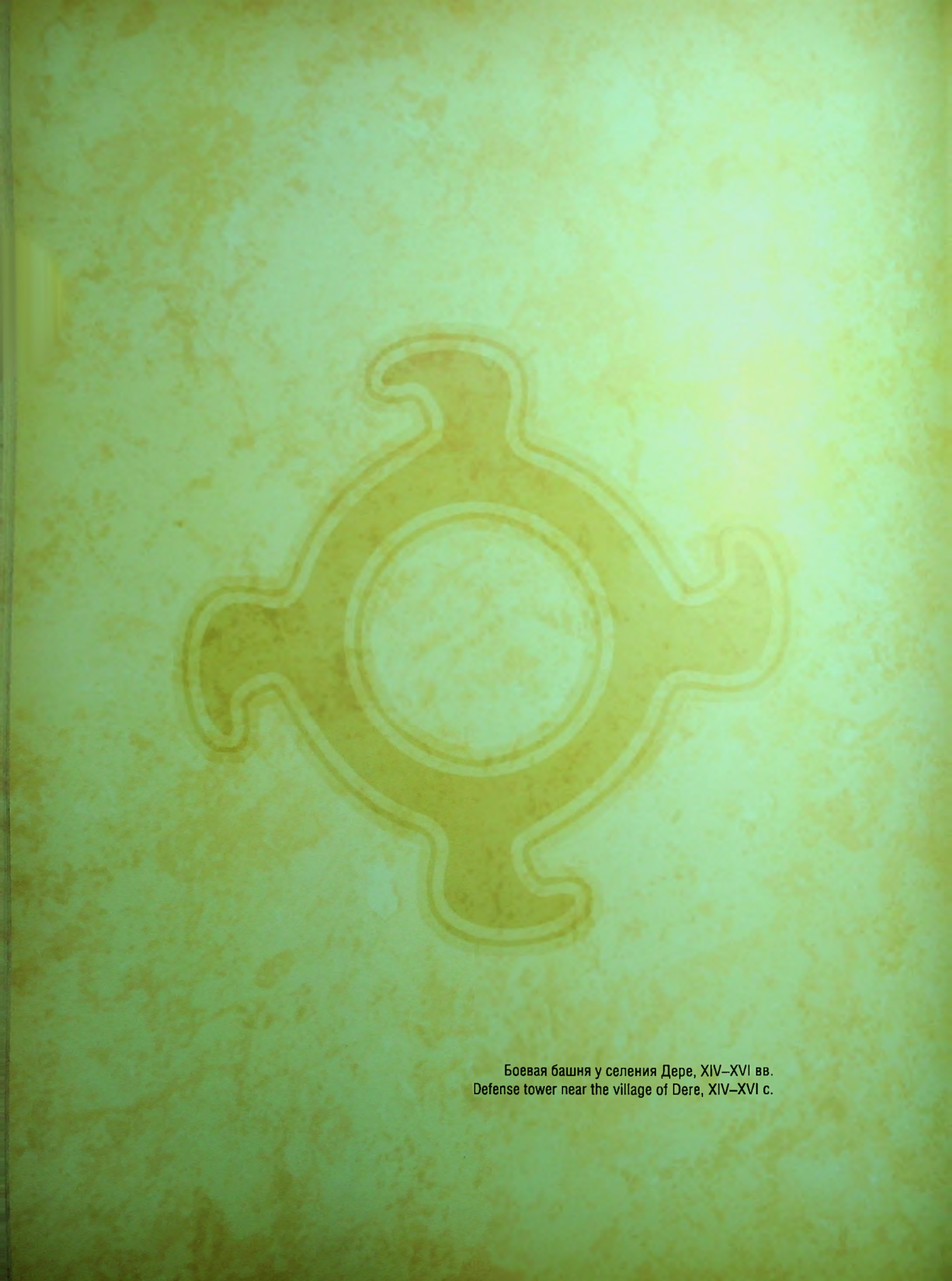
Хьошалла дар
къонахчун деза декхар ду.
Хьешан сий лара ца хиъначу
къонахчунна эхь ду.
Цундела хьешан дахар а,
маршо а ларъяр ...
шен дахарал деза ду цунна.
Амма зулам дина хьаша ларвар
цунна тIехь дац.

35

В чужой стране къонах должен
не только соблюдать ее законы,
но и уважать ее обычаи
и традиции и следовать им
в той мере, в какой это
не задевает его национального
достоинства
и конфессиональных
убеждений.
В этом выражается
его благодарность за воздух
и хлеб этой страны.

35

Хийрачу махкахь
къонахчо лардан деза
цу мехкан гІиллакхаш а,
Іадаташ а.
Цу тІехь иза ша вац
царна дуьхьал хІуттург,
ша векал волу дийна къам ду.
Иза ма хиллара
хетар ду цуьнан къам а.

Боевая башня у селения Дере, XIV–XVI вв.
Defense tower near the village of Dere, XIV–XVI c.

36

Дружба для къонаха священна.
Ради дружбы къонах готов
на любые жертвы.
Настоящего друга он любит
как брата, уважает как отца
и почитает как дорогого гостя.
Защищая своего друга,
къонах не щадит своей жизни.
Он в равной степени познается
и в дружбе, и во вражде.

36

Доттагlалла
къонахчунна деза а, сийлахь а ду.
Доттагlалла чlагlдар дуьхьа
къонахчо шена мел доккха а зен
дийр ду.
Тешаме, бакъ волу доттагl
къонахчунна шен ваша санна
веза,
шен да санна лору,
везачу хьешан санна сий до.
Къонах доттагlчунна тешаме а,
цунна гlо деш а хила веза,
къонахчо шен доттагl а зенах,
зуламах ларвархьама шен са а,
дегl а кхоор дац.

37

Великодушие —
это мера отношения къонаха
к врагу.
На войне къонах должен
соблюдать меру дозволенного
по отношению к врагу,
не давать воли чувству гнева
и озлобления.

37

Къонахчо
мостагIчунна а харцо йийр яц,
тешнабехк а бийр бац.
ТIамехь къонахчо лардан деза
мостагIчуьнца
ницкъан барамал тIех дерг.
Шен оьгIазаллица, дераллица
къизалла яр
къонахчуьнан
амалца догIуш дац.

38

Къонах проявляет
по отношению
к побежденному
врагу благородство
и милосердие.
Он предпочитает
благородного врага
ненадежному другу.

38

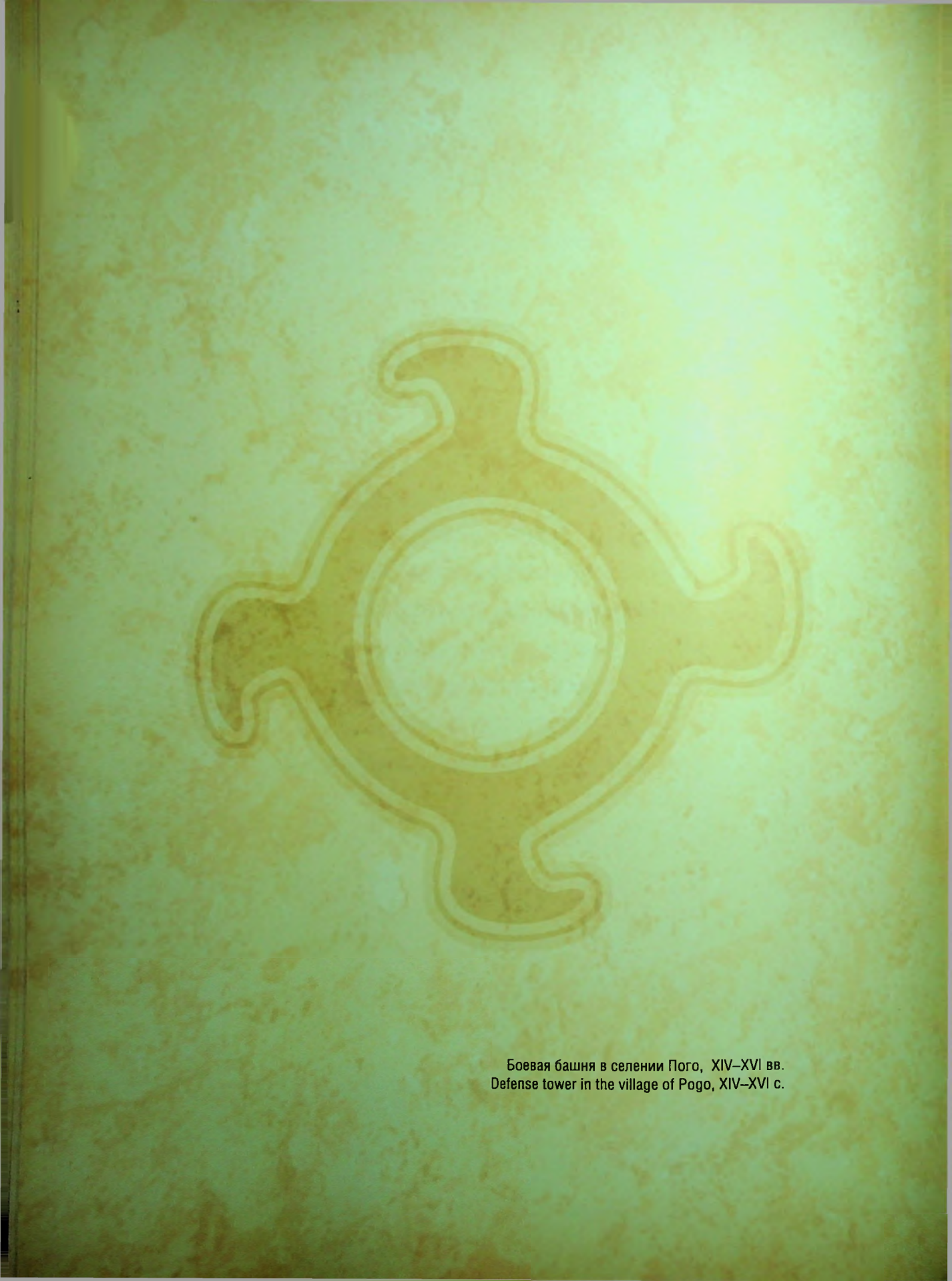
Эшначу
мостагIчуьнца къинхетаме а,
гIиллакхехь а хила веза къонах.
Тешам боцчу доттагIчуьнца
гергарло лелочул,
тешам болчу нахаца
мостагIалла тасадалар
гIолехь лерина вайн дайша.

39

Къонах не должен
применять оружие
против безоружного врага.
Тяжело раненному врагу
он обязан оказать
посильную помощь
так же, как сделал бы это
для любого человека.

39

Къонахчун
герз тоха бакъо яц
карахь герз доцчу мостагIчунна.
Муьлххачу а стагана ша ма дарра
яккхий чоьвнаш хиллачу
мостагIчунна а
гIо дан декхарийлахь ву къонах.

Боевая башня в селении Пого, XIV–XVI вв.
Defense tower in the village of Pogo, XIV–XVI c.

40

Къонах по возможности
избегает поединка
с более слабым противником,
так как любой
исход такого боя
не прибавит ему славы,
но может уронить
его имя.
Если же поединок неизбежен,
то он должен дать противнику
возможность
выбрать оружие
и быть снисходительным
к нему.

40

Къонах мостагIчунна лата
дуьхьал
хIоттарх ларвала веза
шел гIаддайна иза велахь,
хIунда аьлча иза цо эшийча,
цунна тIехь толам баккхар
къонахчун сий лакха дер дац,
мелхо а эхье хир ду.
Нагахь санна дуьхь-дуьхьал
хIоьттина
латар тIедожахь, къонахчо
шена дуьхьал хIоьттинчуьнга
герз шегга хоржуьйтур ду.

41

Къонах должен быть
твердым в бою и готовым
с достоинством принять
его любой исход,
даже если ему
грозит смерть.

41

Къонахо толам а,
эшам а, доьналлца
тIелаца беза,
Iожаллца и
доьзна делахь

42

Къонах
с уважением относится
к своему оружию, чтит его,
не обращается к нему
без необходимости,
никогда не применяет его
ради наживы
или неправедного дела.

42

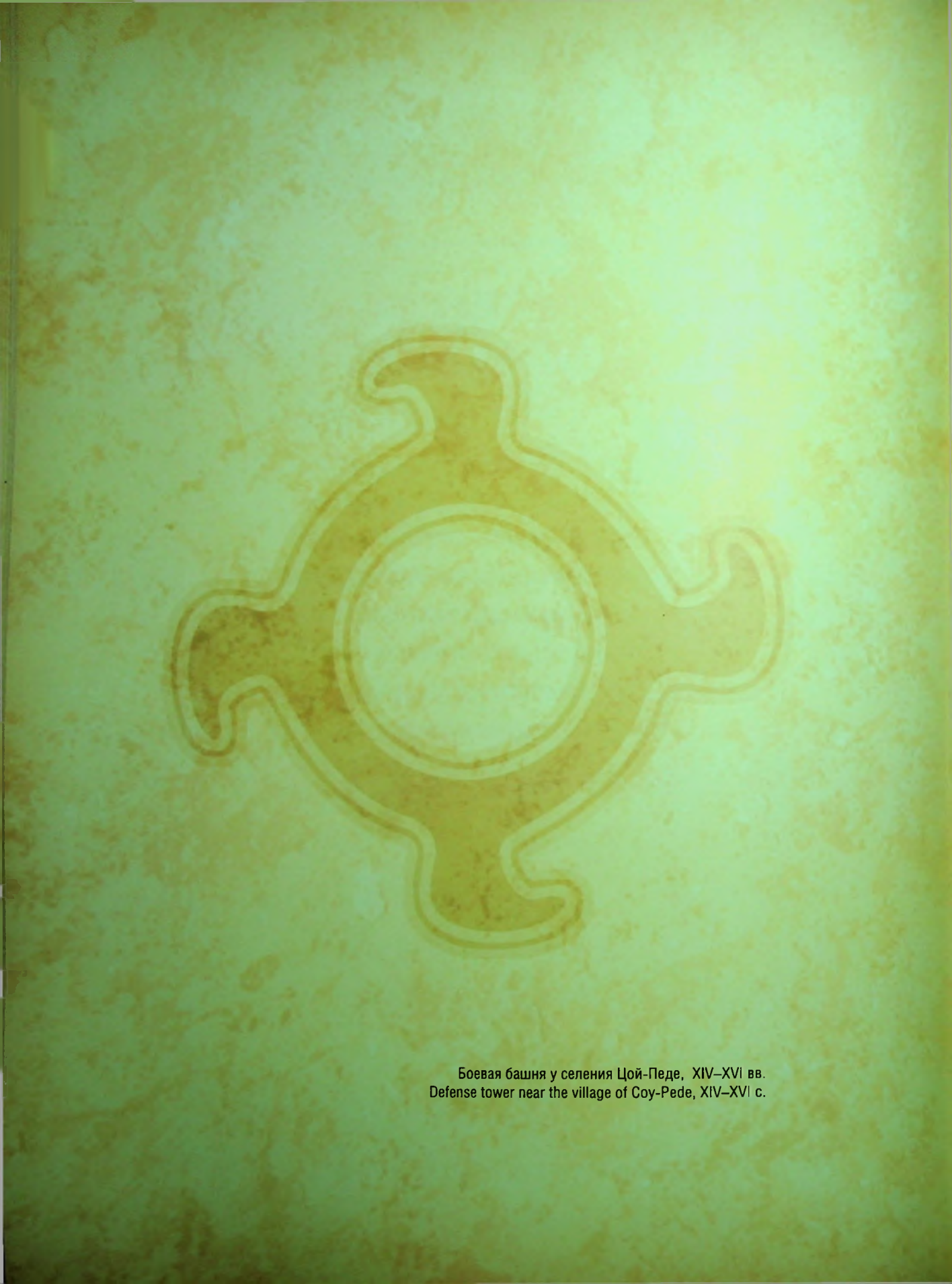
Къонахчо
шен герз лардан деза,
цуьнан сий дан а деза,
ца ваьлла бен
иза караэца а мегар дац.
Шена хIума яккхархьама а,
ца мегаш дерг дархьама а
герз айа мегар дац.

43

Къонах обязан бережно хранить лучшие традиции своей фамилии, помнить своих предков, уважительно относиться к своему прошлому и к истории своего народа.

43

Къонах декхарийлахь ву
шен къоман, шен тайпанан
уггар хаза гIиллакхаш лардан а,
шен дай бовза а,
шен дайша лелийнарг хаа а,
шен халкъаца хилла дерш
Iамо а.

Боевая башня у селения Цой-Педе, XIV–XVI вв.
Defense tower near the village of Coy-Pede, XIV–XVI c.

44

Къонах
в течение всей жизни
должен заниматься
совершенствованием
своего духа и тела
для того,
чтобы служить
своему народу
с максимальной пользой.

44

Къонах дерриг шен дахарехь
Іемаш хила веза,
шен дегІан дола дан деза,
шен халкъан шен ницкъ ма
кхоччу
гІуллакхаш дан.

45

Кьонах всегда остается
верным своему слову
и никогда, даже ценой
собственной жизни,
не нарушает
данной им клятвы.

45

Къонах декхарийлахь ву
шен дош лардан.
Цо ша нахана делла дош
кхочушдо.
Ша лийр велахь а
цуьнан бакъо яц
ша царна биьна дуй
къарбан.

46

Здоровое честолюбие
может быть присуще къонаху,
но зависть к чужой славе
или богатству —
недостойна его.
Там, где зависть,
не может быть человечности,
а следовательно,
искренности и милосердия.

46

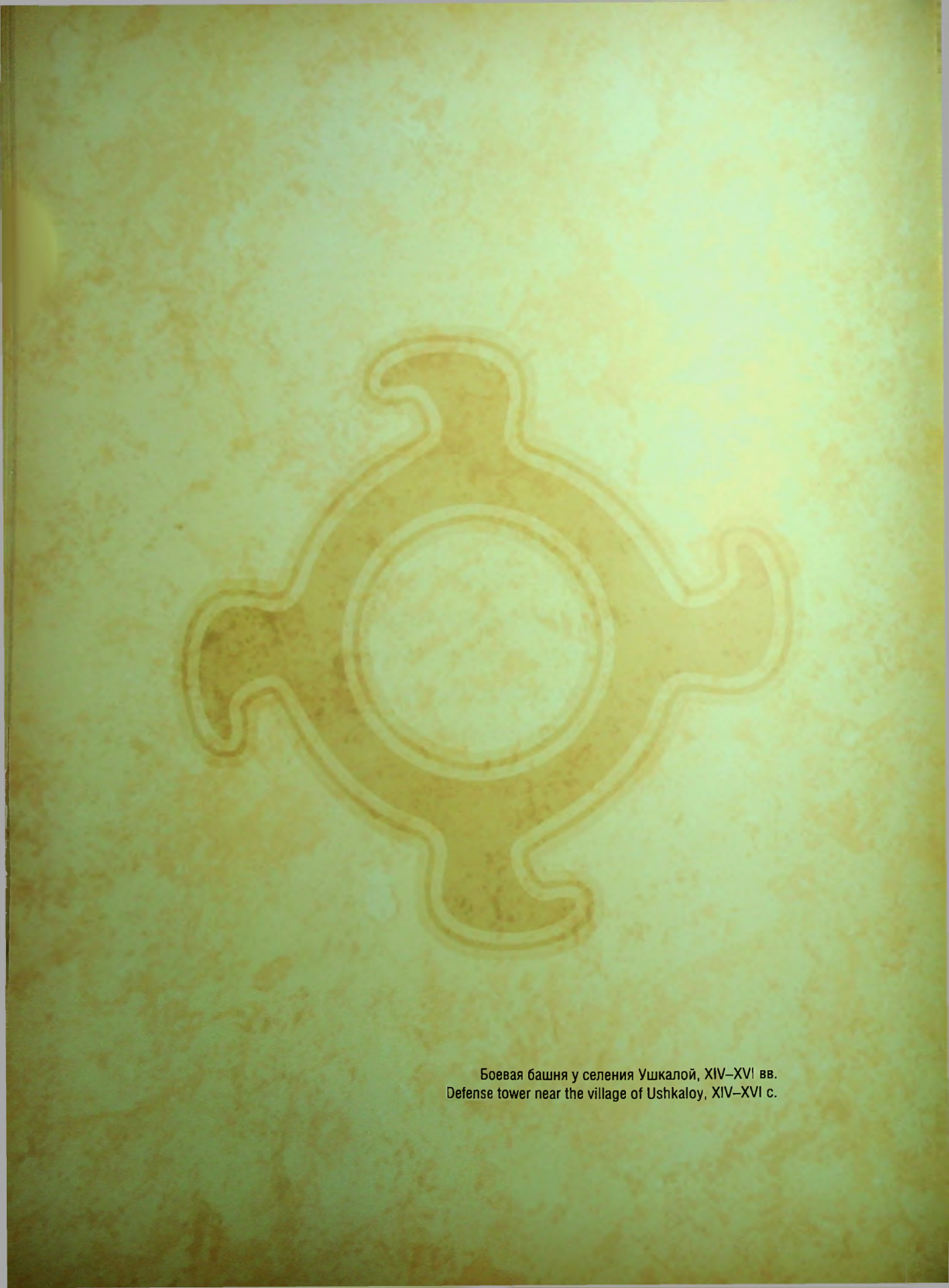
Къонахчуьнгахь товш дац
стаг даржехь лаккхаваларх,
цуьнан бахам тобаларх
и ца лалуш хьагI лацар.
ХьагI йолчу меттехь адамалла
хила йиш яц.

47

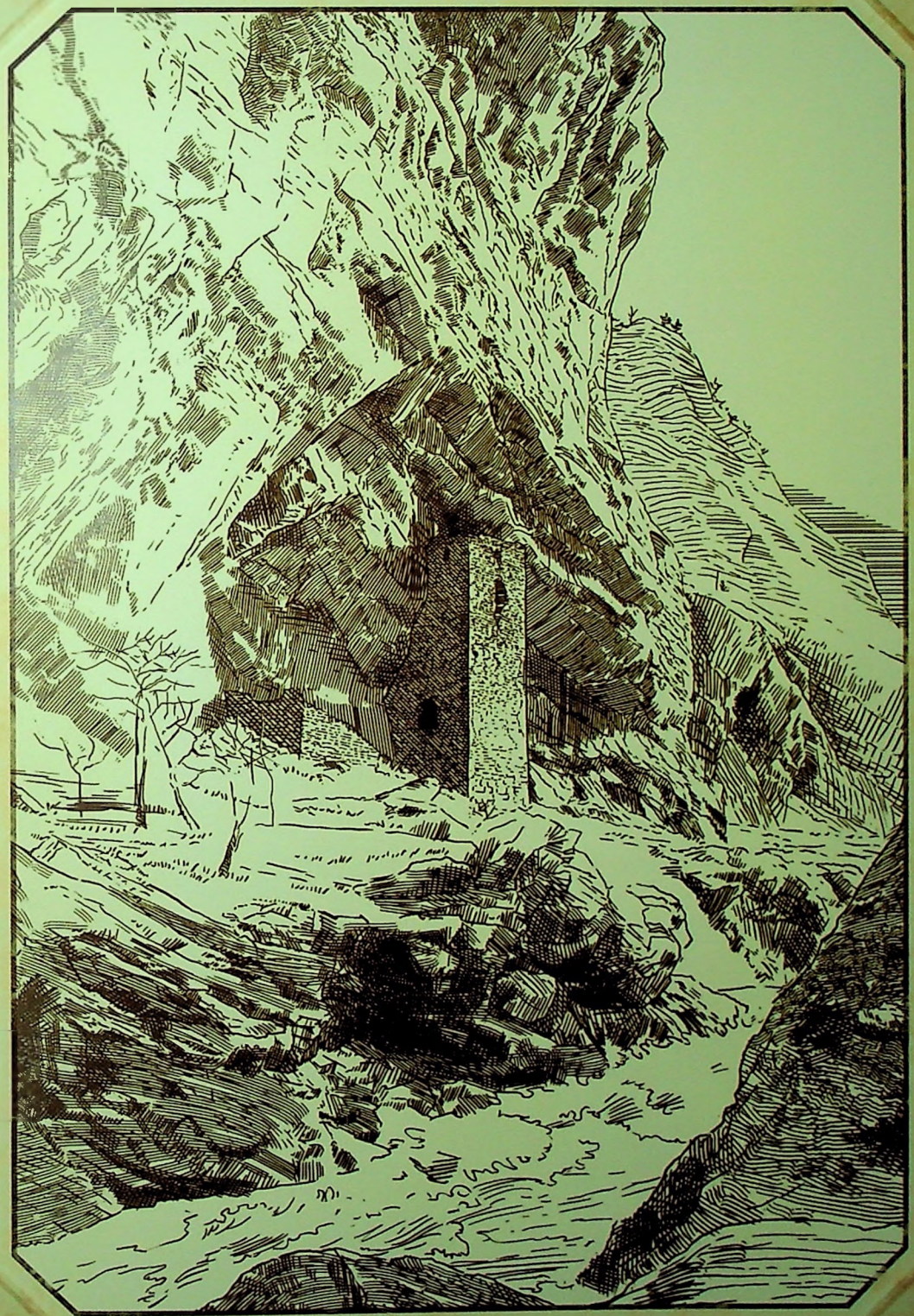
Чувство соперничества
может помочь къонаху
быстрее достичь цели,
но оно неуместно по
отношению
к другу или брату.
При этом соперничество
во имя Отчизны —
благородно,
во имя личной славы —
недостойно.

47

Нахаца яхь хиларо
гIо до къонахчунна
сихха шен Iалашоне кхача,
амма яхь вешиций,
доттагIчуьнций йогIуш яц.
Даймахкехьа узуш яхь хилар
къонахалла ю.
Шен сий айархьама
лелош дерг эрна ду.

Боевая башня у селения Ушкалой, XIV–XVI вв.
Defense tower near the village of Ushkaloy, XIV–XVI c.

48

Къонах должен избегать
лжи и клеветы;
как и людей,
от которых она исходит.
Он никогда не говорит о людях
того, чего бы не сказал
в их присутствии.
О мертвых или попавших в беду
къонах говорит хорошо
или не говорит ничего.

48

Къонах харц
дерг дийцарх,
мотт-эладита лелорах а,
уьш лелочарах а
ларлуш хила веза.

49

Правдивость и искренность
къонаха
истекают из мужества.
Но нет ничего более
недостойного для него,
чем лицемерие.
Оно возникает из подлости
и трусости
и почти всегда
порождает предательство.

49

Бакъо —
къонахчун майраллин
орам бу.
Юьхьдагалла хиларал
доккха сакхт дац
адамашлахь — Цуьнгара долу
вониг, зулам,
питана, стешхалла,
тешнабекх бар.

50

Учтивость и почтительность
не должны переходить
в заискивание
и низкопоклонство
перед богатыми и влиятельными
людьми.
Особую почтительность
къонах должен проявлять
только по отношению
к женщинам и старейшим.
При этом почтительное
отношение
к старшим —
проявление воспитанности,
к женщинам —
проявление мужественности,
к младшим — благородства.

50

Хьалдолчийн,
уьш хьанал цIена нах белахь,
даржехь болчийн,
уьш халкъана тIехь
нийсо еш белахь,
сий дан а, ларам бан а мегаш ду,
амма царна хьеставалар,
уьш шена резабан гIертар
къонахчун амалца догIуш дац.
Къонахчун ларам къаьсттина
баккхийчаьрца,
зударшца хила беза.
Воккханиг ларар – гIиллакх ду,
зуда ларар – стогалла ю,
жиманиг ларар – оьздангалла ю.

51

Ни при каких
обстоятельствах
къонах не посягает
на чужую собственность.

51

Муьлххачу а хьолехь
къонах
нехан хIуманна тIе
кхоьвдур вац.

Моцаройский замок, XIV–XVI вв.
The Castle of Mozaroy, XIV–XVI c.

52

Къонаху не противопоказано накопление богатства. Накопленное праведным путем богатство настоящего къонаха может послужить не только его интересам, но и интересам его народа и Отечества. Жадность и скупость могут сделать бесполезными лучшие качества любого человека, так же как и чрезмерная расточительность — разорить самого богатого. Щедрость же приумножает не только славу къонаха, но и его благосостояние.

52

Къонахчунна
бахам гулбан магийна ду.
Хьанала къахьоьгуш
гулбинчу бахамах беркат хуьлу.
И беркат гIийлачеран а,
мискачеран а,
Даймехкан а хьашташка кхочу.
Сутаралло, бIаьрмецигалло
гергарлонаш хийра доху.
Бакъ ду, хIуманан хама ца баро,
кхоам ца баро стаг
дакъазавоккху
мел хьал долуш хиллехь а.
Комаьршалло беркат тIедахьа,
стеган сий айадо.

53

Къонах должен
мужественно переносить
все тяготы жизни,
выпавшие на его долю,
в том числе
и физические страдания.

53

Къонахчун декхар ду шена тIехIиттина муьлхха а халонаш лан, доьналлех, собарх, гIиллакхах ца вухуш, лазаро хьовзийча а сатухуш хилар.

54

Къонах
бережно, с состраданием
относится ко всему живому.
Он никогда без необходимости
не срубит дерева,
не выстрелит в зверя,
не причинит вреда
ни одному живому
существу.

54

Къонах кхинхетаме а,
тидаме а хила веза
массо а садолчу хIуманца.
Цо цкъа а садолчу хIуманна
зен-зулам а дийр дац.

55

Къонах всегда готов к смерти,
ибо нет ничего вечного
в этом мире.
Но къонах не должен
стремиться к смерти
и без необходимости
испытывать судьбу,
так как жизнь
есть высший дар
Всевышнего человеку.

55

Къонах Іожалла тІеэца
муьлххачу а хенахь
кийча ву.
Амма къонахчо Іожалла
леха оьшуш яц — иза ша
тІекхочур ю.
Шен кхел зен гІерта а ца веза и,
хІунда аьлча, дахар —
дуьнен чохь хІор адамана
Везачу Далла делла уггар деза
совгІат долу дела.

56

Смерть къонаха
должна быть такой же
достойной,
как и его жизнь.

56

Къонахчун
валар сийлахь хила деза,
дуьнен чохь
цо яккхина хан санна.

Chechen Etic Codex

Quonahalla

The Chechen Code «Qonahalla» as a Phenomenon of Global Ethical Culture

Each nation may have periods when people forget heritage and history and lose spiritual experience that they have been gaining for years. It is very dangerous in the life of any nation, of any state. Spiritual amnesia and ethic indifference are much more dangerous for people than wars, natural disasters, epidemics or economic crisis. «The sleep of reason gives birth to monsters», the sleep of conscience leads to emotional indifference and moral nihilism, the lack of national dignity inevitably results in spiritual slavery. All this ruins ethnos and history.

However there is no nation in the world that would not keep the moral experience of their ancestors. Each nation has rich cultural and spiritual history, and in the most difficult circumstances ancient moral culture help people to find the way out of trouble.

As for Chechens, they have got such a saving thread — an ancient ethical Code «Qonahalla», which reflects spiritual and cultural experience of the people, as well as social, political and economical features of their historical existence.The Chechen ethical Code «Qonahalla» had appeared long before Chechens embraced Islam. Its roots go far back into great antiquity, into the unfathomable depth of ages. Obviously it had already existed in the Alan period. Disastrous events of the Caucasian invasion of Mongols and Timur when war was a normal situation for Nakhs-Alans had a strong impact on the nature of the Code. Thefact that there is a great number of parallels between the cult of Qonah — a worthy man, a national hero — and the oldest layers of Nart epic[1] proves its antiquity.

The final version of the Code «Qonahalla» was developed in the late Middle Ages, during the war of free communities with feudal lords, in the heyday of the clan or teip democracy, when

---

[1] Narts are legendary heroes of the ancient pan-Caucasian epic. The Chechen f olklore has kept itsoldest layers up to the present time. Nart Pharmat (Prometheus) was a Qonakh: he managed to getthe heavenly fire for mortals, being well aware that for this very deed he would be doomed to eternal torments.

liberty was proclaimed to be the highest social value, including individual freedom.

Later Islam made some impact on the Code's spiritual aspect in its Sufi version which states that the main meaning of the human existence is a way of spiritual perfection.

The Cult of «Qonah is a core of the Code. The key meaning of life and activities is the service to his people, society, Motherland. The concept of «Qonah» can be translated as «a people's son» and it is a historical idea. According to historical and folklore traditions, the order «Qonahy» used to be one of the most powerful military formations, which played an important role in the political life of the country of Nakhs. Only warriors who came from the ancient and noble families and who devoted all their life to the service to the people and Motherland were included into the military union. There were strict rules and regulations of the Qonah's behaviour, his way of life, his attitude towards other people. The slightest deviation from the Code's norms deprived him of this high rank. That is why the concept «Qonah» had become a synonym of honour, valour, generosity.

Nevertheless, even after this military union had ceased to exist, Chechens kept the name of Qonah for those people who combined high personal moral qualities with the honest service to the people and Motherland.

The old warrior Code «Qonahalla» was transformed into an ethical Code with its core moral idea of «a perfect man», «a noble man».In its latest version, however, ancient basis to regulate the Qonah's behaviour at war, his attitude to an enemy, weapon and death was retained. To a certain extent, it has something in common with the European Code of Chivalry and the «Bushido» of Japanese samurai.

Later developments of the Code «Qonahalla» are closely connected with the influence of world religious and ethical systems, primarily that of Sufism. Besides, one can also discern certain common features of the cult of «a worthy man – Qonah» with Confucianism – an ancient ethical system that has formed a harmonious and clear idea of perfect man.

According to the doctrine of Confucius, Kong Zi, a Chinese

Петроглифы на стене боевой башни XIV–XVI веков (селение Тертие): спираль – символ плодородия и благодати.

Petroglyphs on the wall of the defense tower of the XIV–XVI centuries (the village of Tertie): a helix – the symbol of fertility and delight.

philosopher of the VI c. BC, he who bears all these ethical virtues is a «Chün-Tzu» – a superior man who is characterised by the two interconnected qualities as follows: belonging to aristocracy and human perfection. It is extremely difficult to become the «Chün-Tzu», since the noble background of a man by no means guarantees his human perfection.

The Chün-Tzu is an ideal person, a noble man striving to know the right (moral) path, to be humane and follow the ceremony, to be sincere in words and honest in deeds, to be just in his attitude towards other people and strict to himself. He shows absolute obedience to the ordinances of Heaven and always seeks for justice and doing his duty. «He acts before he speaks, and afterwards speaks according to his actions»[2].

The noble man never swerves from the Mean[3]: as in his behaviour so in his clothing and his attitude towards others. Confucius said, «If in a man natural behaviour prevails over good breeding, he is like a yokel. If, otherwise, good breeding prevails over natural behaviour, he is like a learned savant. After good breeding and natural behaviour have balanced each other, one is becoming a superior man»[4].

The main ethical law for the Chün-Tzu is «jen» – humaneness (sympathy towards other people, philanthropy, and love for fellow-men); this is a profound and polysemantic moral category defining the very core of human mutual relations.

«Riches and honours are what men desire. If they cannot be obtained in the proper way, they should not be held. Poverty and baseness are what men dislike. If they cannot be avoided in the proper way, they should not be avoided. How can the superior man become a man of good repute if he has rejected humaneness?»[5].

«Jen» is reciprocity and equality in human relations. Mutuality and justice in human connections is defined by moral law that was first formulated by Confucius, in the European ethics it was called «the golden rule of morality». When asked by a disciple

Петроглиф на арочном камне жилой башни XIV–XVI веков (селение Химой): свастика с закругленными концами – символ вечности.

Petroglyph on the arch stone of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Khimoi): a swastika with rounded points – the symbol of eternity.

[2] Confucius. The Lessons of Wisdom//Lun Yu. M., 1999, P. 23.
[3] Ibid, P. 46.
[4] Confucius. Lun Yu.//The Ancient Chinese Philosophy. M., 1972, V. 1. Ch. 2, 4.
[5] Confucius. The Lessons of Wisdom. P. 31.

whether there is one word which may serve as a rule of practice for all one's life, the Master said, «Is not reciprocity such a word? What you do not want done to yourself, do not do to others»[6].In the present world men cannot be equal either by nature or by social status. They, however, can be made equal in their connections with the help of the harmony of ceremony – «li», whereas filial respectfulness – «hsiao» – can add them humaneness.

From the point of view of Confucius, the Chün-Tzu is a lofty ideal that few are able to reach. While asked if he regards himself a superior man, Confucius answered, «In letters I am perhaps equal to other men, but the character of the superior man, carrying out in his conduct what he professes, is what I have not yet attained to»[7].

The Confucian ethics and the Code «Qonahalla» have got much in common, especially when dealing with personal qualities of «the superior man – the worthy man». The Qonah as well as the Chün-Tzu of Confucius is «honest and truthful», deferential to his elders and parents, courteous with others; he avoids slander and those people who disseminate lies, judges only himself, seeks after justice in human relations; he is charitable, first of all, towards the poor and the weak; he is not afraid of death, but shuns recklessness. The Chün-Tzu as well as the Qonah «deals with everything according to his duty... he is modest in words and truthful in actions»[8].

The striking difference of this Confucian ethics from the Code «Qonahalla» is in its class principle. The former system sets a hierarchy of moral values in accordance with the model of social hierarchy of the Chinese society of that time. Heaven is a supreme power and moral ideal. The State is formed according to the heavenly establishment, the man's role and place in the social structure is predestined.

Wisdom of governing the State consists of humaneness and «rectifying the names», i.e. putting everybody in the right place in society and ceremony. Strict observance of the ceremony consti-

Петроглифы на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Ца-кале): древние солярные символы-обереги – крест в круге и «колесо».

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Tsa-Kale): the ancient solar symbols – periapts a cross in a circle and a "wheel".

6 The Ancient Chinese Philosophy: In 2 volumes. M. 1972–1973, V. 1, P. 167.
7 Confucius. The Lessons of Wisdom.P. 61.
8 The Ancient Chinese Philosophy. P. 164.

tutes the basis of social harmony and peace in the State. The ceremony without «jen» – humaneness – lacks the moral meaning. «A purposeful man and a philanthropic man are ready to die if philanthropy is damaged, they sacrifice their life but do not reject philanthropy»[9]. It is only an aristocrat by birth who can become a superior man, a Chün-Tzu; a common man can never approach this ideal even if he reaches a certain kind of moral perfection. Unlike Confucianism, the Code «Qonahalla» is a democratic ethical system. Here are no class restrictions, no discrimination, as far as property qualification or genealogy are concerned.

Everybody can become a Qonah, provided that he reaches a certain moral ideal and devotes his life to the service to his people and Fatherland.Besides, in contrast to the Chün-Tzu of Confucius, the Chechen Qonah has got a concept of absolute honesty and personal dignity. In this respect the Code «Qonahalla» has got something in common with the Medieval European Code of Chivalry.

Knighthood first appears in the XI-XII centuries as a specific social group with its own system of moral values and norms of behaviour.The canon of the Code of Chivalry saw the light of day in the late Middle Ages as a reaction on the growing social and political role of the lower-middle class[10]. The norms of chivalrous ethics make exorbitant, very strict demands on the person and conduct of the Knight, the same as the Chechen Code «Qonahalla» requires from the Qonah. This fact not only makes a social group closed, but also exalts it above other classes both in the moral and military respect.

The early XII c. saw the wide spread of the ritual of knighting. Becoming a Knight means a magical promotion, joining the elect, an introduction into the nobility and at the same time it implies new duties, awareness of one's ethical mission to serveGod and the King, the noble family, protection of the weak[11].

The chivalrous ideal was not unchanged. If in the early Middle Ages it was an uncouth warrior with anarchical inclinations, a bit

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Ца-кале): человеческая фигурка с распростертыми руками.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Tsa-Kale): a human figure with open hands.

[9] Ibid, P. 167.
[10] Ossovskaya M. The Knight and the Bourgeois. Researches on the History of Morality. M., 1987, P. 73.
[11] Ethics. P. 248.

later it turns into a knight-protector whose main features are charity and the Christian care of the weak and offended. The next step in the evolution of the chivalrous ideal is a code of noble manners and an ideology of love which elevate the Knight not for his military victories and heroism, but for his inner merits[12].

First of all, the Knight is an armed rider with remarkable physical strength and an excellent command of arms. He has got a noble background, good looks and inner harmony. The Knight is always eager for glory, that is why valour is his most important feature. He is proud, but not vainglorious. He is ready to sacrifice not only his own life, but also the lives of his brothers-in-arms, in order to avoid notoriety of a coward. It is not so much a victory over the enemy, as his behaviour in the war that actually brings glory to the Knight. What distinguishes the Knight as well as the Qonah is his respect for the enemy and his desire to win them in an equal and open battle. It is absolutely unacceptable for him to use the weakness of the opponent or to kill a defenceless enemy.

The Knight should be generous. Magnanimity implies all the best chivalrous qualities (valour, honour, generosity, liberality), as well as enlightenment[13]. Magnanimity of the Knight in the war is shown in his attitude towards the defeated enemy, in the first place. It is important for him not only to save the life of the latter, but also to spare his personal dignity, to pay respect to his worthy opponent. In this respect the norms of chivalrous ethics fully coincide with the code of the Qonah.

It was generosity, breadth of soul and even prodigality that distinguished the Knight, because he was a member of the higher class and was oriented towards its values. War and revenue yielded by the landed property, as well as fees for the military service were the basic sources of the Knight's welfare. Trade and agriculture were considered to be unworthy occupations.

Besides, it is characteristic of the Knight «to keep his obligations to his fellows»[14], gratitude for the good in his favour, loyalty

Петроглифы на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Васеркел): крест с раздвоенными концами и двойная спираль.

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Vaserkel): a cross with doubled points and a double helix.

[12] Ibid..., P. 256.
[13] Ibid..., P. 254.
[14] Ossovskaya M. The Knight and the Bourgeois. Researches on the History of Morality. M., 1987, P. 85.

to his brotherly duty, a care of orphans and widows of the deceased brothers-in-arms, support of the impoverished members of his class.

While dealing with other people, the Knight should be open and truthful, he does not conceal his hatred or dislike of them, he does not tend to praise or flatter anybody, but also he does not judge anyone. The Knight is not subject to physical punishment, he is usually brought before the court of honour and is only morally responsible[15].

The same as in the case with the Qonah, personal honour is the absolute value for the Knight and that is why he prefers death to humiliation.

In his actions, like the Qonah, he is directed by the ideas of duty and honour. And it is in the very interpretation of these concepts that the chivalrous ethics differs principally from the Code of the Qonah.

The Knight's duty is a class norm that is determined by his mutual relations with the overlord and is, in fact, a form of enforcement. He is obliged to share his overlord's fare and to give up, if needed, his moral obligations towards others, not to follow common sense, not to take into account his own affections[16]. What is more, this duty was plentifully paid by the overlord; otherwise, the Knight could easily change the place of his service.

The Qonah's duty is an inner awareness of his sacred mission to serve the people and Fatherland, an act of free will. It is important for the Qonah not only to follow his duty, but also to meet all the moral requirements of this lofty mission. Otherwise, it might be unfounded.

In the samurai code of ethics the vassal's duty before the overlord was defined not only and not so much by fees for the service. There was a link of spiritual nature between them.

The relations «suzerain-vassal», «lord-servant» were expanded and, so to speak, sanctified by the relations «teacher-disciple», «father-son». In this context one can speak of a certain influence of Confucianism which was spread in medieval Japan. At the

---

[15] Ethics. P. 252.
[16] Ibid..., P. 250.

same time one must say that the requirements, which the samurai should meet, were much more rigid than those of the Knight, and the price for inadequacy was only one, that is, life. In medieval Japan samurai constituted all the nobility in the broad sense of the word. In the given meaning this concept is equal to the word «bushi» – a warrior. In the narrow sense of the word, samurai are a military class of the gentry, which began to play a more active role in the political life of Japan since the XII century. The majority of samurai were vassals of ruling princes (daimio), many of them being landowners. The only occupation worthy of the samurai was soldiering, though at times he might do farming. What was absolutely prohibited for the samurai was trade and usury.

Since a boy, the samurai was prepared for his austere life full of cruel battles. He must have been physically robust and tough, have perfectly wielded any kind of arms, have employed all sorts of tactics and strategy of combat. Apart from this, he was taught the art of riding, manners of high society, writing, literature and history. According to a famous bushi, «the samurai should know reading and writing. If he does not learn anything he cannot possibly comprehend the reasons of things, both past and present. No matter how wise and experienced he is, he will inevitably have a lot of trouble if he has got little knowledge»[17].

The samurai's life, his behaviour, his relations with the suzerain were defined by «Bushido» – an unwritten code of conduct. Through centuries these rules were conveyed from mouth to mouth, orally, and it was only in the XVII c. when they were written.

«Bushido» is surprisingly similar to the Chechen ethical code «Qonahalla» in its interpretation of basic ethical categories and moral principles.

In the basis of the samurai ethics there is a concept of «decency or justice» which is, to a certain extent, like Confucian «jen» – humaneness, philanthropy – and Chechen «adamalla» in the same sense. Following a famous Japanese «bushi», «decency is an ability to make a firm and reasonable decision according to certain rules of

Петроглиф на стене боевой башни замкового комплекса XIV–XVI веков (селение Эткали): схематичное изображение человека.

Petroglyph on the wall of the defense tower of the castle complex of the XIV–XVI centuries (the village of Etkali): the image of a human figure.

[17] Tsunetomo Y. The Book of the Samurai. – St Petersburg, 1999, P. 70.

conduct... to die when it is time of death, to strike when it is time for a blow»[18]. If there is a lack of decency, neither talent, nor education can make a man a samurai.

«Bushido» like the Chechen code interprets valour, first of all, as self-control, sang-froid, composure in every situation. «It is rather easy to get into the middle of the battle and be killed... the true courage, however, is to live when it is time to live and to die only when it is time to die», wrote prince Kito[19].

The true samurai should always be reserved; he should not lose his temper in any situation. He must keep cool both in the middle of the battle and during the feast. Under any circumstances he keeps his head clear.

That is why self-control is one of the most important qualities of the samurai and of the Qonah. The samurai was considered to lose courage when he allowed the face to betray his own emotions. No matter how deeply he was moved, his face must have shown no trace of either joy or grief.

Notwithstanding this external reserve, the samurai should have inner sympathy and mercy. He should have mercy on the weak and defenceless, in the first place. The samurai should be magnanimous towards the beaten enemy. Having this in mind, the samurai used to say, «He who kills the bird taking refuge in his bosom won't make a good hunter»[20].

For all this courage and bellicosity, the true samurai should be peaceful and benevolent towards others, «Albeit a good many can hurt your soul, you can forgive three things: the wind blowing your flowers, the cloud covering the Moon, and the man trying to quarrel with you»[21].

Benevolence and sympathy should find an outward expression in respectfulness and politeness. But even this quality should be limited by decency: propriety going far beyond the possible tends to turn into a lie[22].

All this may remain a mask if the samurai is not sincere and

Петроглиф на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Химой): крест в круге – древний солярный символ.

Petroglyph on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Khimoi): a cross in a circle – the ancient solar symbol.

[18] Nitobe I. Bishido: The Spirit of Japan. Kiev, 1997, P. 26.
[19] Ibid..., P. 29.
[20] Ibid..., P. 37.
[21] Ibid..., P. 33.
[22] Ibid..., P. 46.

truthful. The high social and moral status of the samurai made him to take on a great responsibility for the word he has pledged. The samurai's word carried such weight that there was no need to confirm it or swear. He like Qonah regarded the oath as humiliation for himself because its very existence cast a doubt upon his ability to stay loyal to his word. Once it came about that a well-known samurai should have sworn that he was whole-heartedly devoted to an idea. He said, however, «The samurai's word is harder than metal as I have imprinted the word in my heart. What has the vow to do with it?». Later his solemn vow was abolished[23].

The Qonah and the samurai are alike in their attitude towards death. The Qonah is ready to die at any time if it is required by the duty[24]. According to «Bushido», every samurai should first of all think how to meet death. He should always be ready to pass away, if needed, be it in the battle or in the ordinary life; however, he should not risk his or anybody else's life recklessly.

The only treasure for the sake of which the samurai and the Qonah will sacrifice his life without any hesitation is honour. Though «Bushido» condemned hot and violent temper, morbid imagination that any awkward action implies an assault on one's honour, every samurai knew «disgrace is like a scar on the bark of the tree, it does not disappear with time but grows larger»[25]. The principal difference of the samurai ethics from the Chechen ethical code is in its class character. It is well-known that renowned «bushis» singled out three paramount features in «Bushido»: «loyalty to the lord, correct conduct and valour»[26]. The duty of loyalty to the lord was the fundamental principle of the code of the samurai.

Moreover, in case of disgrace the samurai must commit a ritual suicide — the hara-kiri and do it in cold blood, with courage, following all the rules. The ritual suicide is one of the most important components of «Bushido». Mainly, it is this feature that defines its national specific character, imparts a tragic note to it.

---

[23] Tsunetomo Y. The Book of the Samurai. St Ptersburg, 1999, P. 100.
[24] Chesnov J. The Woman and Ethics of Life in the Chechen Mentality//The Ethnographic Review M.,1994, № 5, P. 42.
[25] Nitobe I. Bishido: The Spirit of Japan., P. 52.
[26] Tsunetomo Y. The Book of the Samurai. St Petersburg, 1999, P. 26.

The Chechen mentality and religion have always strictly condemned a suicide, that is why he who committed it doomed his name to disgrace and shame. Unlike the samurai, the Qonah could make up for the lost honour only through a worthy death in the just war or else he should leave his Motherland forever and doom himself to eternal wandering in the strange land.

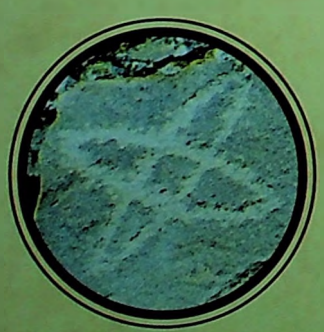
In spite of the fact that «Bushido» was an ethical code of the military aristocratic eite, it had a strong moral impact on the history of Japan, on every class of the Japanese society and finally became a national code of all the Japanese people. In the time of great trouble for the Japanese history the code of the samurai was the only moral basis which often helped to revive the great spirit of the Japanese people. Now Qonahalla is a code of the spiritual elite which nowadays may only be forming in the innermost recesses of the Chechen society, yet it is regarded to be the paramount moral peak every Chechen dreams to reach. That is why Qonahalla must become national again to strengthen the foundations of the spiritual rebirth of the Chechen people[27].

In modern Europe the Code of Chivalry has been transformed into the ethics of a noble man — «a gentleman». No doubt, the «gentleman» ethics has got much in common with the Code of Qonah, though it, as well as the Code of Chivalry, bore a very narrow class character and its essence was, first of all, determined by the aristocratic origin. According to R. Steel (the early XVIII c.), the gentleman can be considered a man who is «able to do his best in serving the society and keeping its interests». Apart from this, he must have got the best human dignity and grandeur as well as clear mind, which is free from prejudice, and great knowledge. The gentleman is tender, but free from temper, is full of sympathy and benevolence, truthful and persistent in achieving his aims.

Moreover, he must be notable for his valour and liberality. What distinguishes a real gentleman is his being brief and mistrust of emotional judgments, presence of mind and self-control in the most complicated situations, punctiliousness in questions of honour and modesty, refined manners and simplicity in communication.

Петроглиф на стене боевой башни XI–XII веков (селение Хаскали): два пересекающихся кольца – символ планеты Сатурн.

Petroglyph on the wall of the defense tower of the XI–XII centuries (the village of Khaskali): two crossed rings – a symbol of the planet Saturn.

[27] Chesnov J. The Woman and Ethics of Life in the Chechen Mentality//The Ethnographic Review. M., 1994, № 5, P. 41.

In the XX c., while pondering over the heritage of the chivalrous ethics in European morality, Bertrand Russel wrote: «Faith in the principle of personal honour – though its consequences used to be not infrequently absurd, at times even tragic – has got serious merits and its decline is not at all a pure gain... This concept of honour, being rid of aristocratic conceit and inclination to violence, has got something that helps a man to keep decency and to spread the principle of mutual trust in social relations. I would not wish this heritage of the age of chivalry were altogether lost»[28].

If the ethics of chivalry was inherited by the aristocracy, the European middle class (the petty bourgeoisie) created its own philosophy of morality, in the basis of which there were Protestant values and principles.

The petty bourgeoisie ethics had got an ideal person whose main worthy features were as follows: frugality, accuracy, thrift, industry, care about earthly affairs, soberness of mind and order. Economy used to take on an absolute character; in fact, it tended to be a renunciation of all joys of life. A man had to obtain a certain social status not thanks to his background, but thanks to his personal merits, which were defined by hard working, purposefulness, methodicalness. Valour, generosity, liberality, magnanimity were considered to be improper luxury for men whose main measure was money and whose ideal was mediocrity who has attained a high social status through frugality and deference to the social hierarchy. The value of human person was defined by the size of his capital. Additionally, the middle class ethics was characterised by extreme utilitarianism towards religion and other spiritual spheres. «Virtue should be measured by its utility. Being moderately virtuous is profitable. Honesty enables one to increase his solvency. One needs to be educated to an extent that helps him to develop his business. Beauty of a subject or a phenomenon is determined by the degree of its utility». Such philosophy reproduced persons who were earthly and grey, to a great degree. Besides, it nurtured utmost individualism and indifference towards the life of society in general.

Петроглиф на стене боевой башни XIV–XVI веков (селение Тертие): спираль – символ плодородия и благодати.

Petroglyph on the wall of the defense tower of the XIV–XVI centuries (the village of Tertie): a helix – a symbol of fertility and delight.

[28] Ossovskaya M. The Knight and the Bourgeois. Researches on the History of Morality. M., 1987, P. 138.

The petty bourgeoisie ethics has for the most part determined the pattern of morality of the so-called «middle class» in modern European countries. It goes without saying, it has undergone a certain value evolution connected with the influence of other ethical systems and the change of social and economic conditions, but there has remained unaltered its very core, which denies the self-importance of high moral qualities and ideals and which regards money the only measure of all things in the human society.

In such a form, it is, to a certain extent, characteristic of the modern Chechen society which is in the state of deep moral crisis. Such a situation is worsened by the fact that the war has caught the Chechen society in a period of transition from the traditional way of life to the civil society. This transition was accompanied by the transformation of social structures and institutions, by the breaking of usual way of life, devaluation of traditional moral values, which has led not only to the radical changes in the mentality and social consciousness, but also to a certain moral degradation of the society.

On the one hand, the war has increased the process of disintegration of the traditional society; on the other hand, it has become an insurmountable obstacle for the formation of civil society. The Chechen community has totally lost its structure and become marginal, when neither traditional, non state, non social institutions could influence its condition and organisation. Having rejected traditional values, the majority of Chechens have not turned to the values of open, civil society. Religious conversion has had a superficial character for lots of people. As a result of this, the moral crisis has been aggravated by the religious dissent.

Bloody battles and a great number of deaths among the non-combatant population led to the devaluation of universal ethical values and deepened the moral crisis. Although, one must say, the same processes caused by the utmost shock of the radical change of state ideology and socio-economical structure were taking place in all Russian society. But due to a few objective reasons, it was in Chechnya that they were most disastrous.

Nowadays the Chechen society is looking for a way out of the moral cul-de-sac. And in this case, turning towards a spiritual and

moral legacy of our ancestors will enable us to successfully complete this search, will initiate a spiritual and moral rebirth of the Chechen people. The ethical Code «Qonahalla» is part of this great legacy.

The Code «Qonahalla» does not embrace all the variety of Chechen ethics which is a complex and multistage system. It, however, is its acme, its moral distillation. In the basis of the Code there is a duty towards Fatherland, towards people which the Qonah takes on himself of his own free will. In this respect the Qonah's interpretation of duty – «dekhar» is in complete accordance with that of Immanuel Kant[29] who calls a duty a necessity of action out of respect for moral law. The Qonah follows his duty towards people, towards Fatherland on the basis of his inner awareness of it. He does not await a reward neither in this world, nor in another. He acts not out of fear of divine retribution or heavenly judgment, but of his own free will. For the Qonah, loyalty to the duty is a high sacred mission demanding from him great moral efforts. According to J. Chesnov, a messianic character lies in the very structure of person in the centre of which there is the Qonah. These features and his role in society make the Qonah close to the state of the Saviour[30].

The famous Chechen ethnologist Said-Mohamed Khasiev has singled out three levels of categories in the value scale of Chechens: 1 – «delighting the eye», i.e. visible, arresting one's attention: adamalla – humaneness, ts'ano – spiritual chastity, yüh'a – face, ghiillaq – etiquette; 2 – «delighting the heart», i.e. less ostentatious: q'iinkheetam Mercy, niiso – justice, iiekh'a – shame, (behk, iies), özdangalla – generosity; 3 – «invisible», «the roots or the basis of the value scale»: laram – respectfulness, baq'o – truthfulness, sii – honour, sobar – self-control, patience. It is the «invisible» values that the scholar considers basic for the value scale and they first of all belong to the Qonah.

The basic category of the value system of the Chechen ethics

Петроглиф на стене боевой башни XIV–XVI веков (селение Тертие): человеческая ладонь – символ силы и власти.

Petroglyph on the wall of the defense tower of the XIV–XVI centuries (the village of Tertie): a human palm – the symbol of force and authority.

[29] Kant I. The Foundations of Metaphysics of Morality//The Works in 6 v. M., 1965, V.4(1), P. 274.

[30] Chesnov J. The Woman and Ethics of Life in the Chechen Mentality//The Ethnographic Review. M.,1994, № 5, P. 42.

and Code «Qonahalla» is «adamalla — humaneness, humanity». It does not just take the first place in the structure of the value scale, but is its peak and basis at the same time. It is transcendental for the Chechen ethical system, penetrates it from top to bottom, determines the quality and pattern of other moral values.

«Adamalla» in the Chechen ethical system is described not only by the categories of humanity (mercy, sympathy, empathy, magnanimity), but also by wisdom. In the Chechen ethics the attitude towards reason as a criterion of morals is ambiguous. The Chechens distrust the reason if it is not coupled with the heart, with the intuition. This is why in the value scale reason is not singled out as a separate category, unlike, for example, the Adygei ethics where B. Kh. Bgazhnokov points out five constant principles: humaneness, respectfulness, reason, courage, honour.[31] Wisdom which represents a harmony of reason and heart is not only a basis of humaneness, but also a criterion of morals in general. Not least criterion of humaneness is magnanimity, first of all, magnanimity to the defeated enemy. This moral value was so important for the Chechens who were in the state of permanent defensive wars that there had been kept a legend dedicated to it. It was written by S.-M. Khasiev in the late 60s of the XX c. in a mountainous area of Chechnya. According to the legend, «God turned the souls of the noble warriors into white swans. That is why they are calm and grand. Whereas the souls of those warriors, who gave vent to the sense of wrath and rancour; who went far beyond the permissible towards the enemy, were condemned by the Creator and put under the bottom of the highest mountains. But it was promised to them that there would be time when they would be freed. And if the souls destroyed by them forgive them, then cruel warriors will be forgiven by God and turned into white swans.

But, at first, the Almighty changed the cruel warriors' souls into cranes. This is why flocks of cranes, while flying away every spring to the north, weep noisily and beg the pardon of the destroyed souls. The swans, however, fly this way of their own free will, out of sympathy towards their sinful brothers, and pray for them in the coun-

Петроглифы на арочном камне входного проема замкового комплекса XIV–XVI веков (селение Эткали): спираль – символ плодородия и благодати.

Petroglyphs on the arch stone of the entrance door of the castle complex of the XIV–XVI centuries (the village of Etkali): a helix – the symbol of fertility and delight.

[31] Bgazhnokov B.Kh. The Adygei Ethics. Nalchik, 1999, P. 16–20.

try of shadows». Cruelty towards the defeated or wounded enemy, towards the weak or defenceless is regarded altogether unacceptable not only in the Code «Qonahalla», but also in the Chechen ethics in general. In the poem «Tazit» by A.S. Pushkin[32] the main character, a young Adygei prince brought up by a Chechen, conflicts with his father, refusing to attack an unarmed merchant, to kill a wounded blood enemy, to catch a fugitive slave. Many researchers of the poet's art think that Tazit acts in such a way under the influence of Christian morality. In fact, the hero did this on the basis of the Chechen ethical code. Not in vain the old man addresses his father, an Adygei prince:

«It has been thirteen years since you, having entered a strange aul (village), handed me a weak baby that I could make a brave Chechen out of him through bringing up...».This is why Tazit behaves in all situations like the Qonah, showing mercy towards the weak and defenceless.

The great Russian poet was personally acquainted with Beibulat Taimiev, a famous Chechen commander, a wise politician, a bright diplomat, a real Qonah. A.S. Pushkin wrote about him in «A Trip to Arzrum», «The renowned Beibulat, the most feared man in the Caucasus... I was very glad to meet him in Arzrum: he was a guarantee of my safe transition through the mountains and Kabarda»[33]. No doubt, the poet had got a certain notion of the Code «Qonahalla» and it was reflected in the image and actions of the main character of the poem.

The main category «adamalla – humaneness» is humanity, philanthropy, mercy, sympathy, the latter being active. The «Qonah» is first a protector of the weak and defenceless, their last hope for justice in this unjust world.

The concept of humaneness also includes a careful, reverent attitude towards Nature, everything that surrounds the Qonah. He feels himself part of this huge world where everybody is equal before Eternity, be that a man, an ant or a tree. The Qonah cannot deliberately harm a living thing or a plant. This is why he very carefully uses goods of Nature following the principle of moderate ne-

Петроглиф на стене боевой башни замкового комплекса XIV–XVI веков (селение Эткали): лабиринт – оберег от блуждающих душ из мира мертвых, путь в мир мертвых.

Petroglyph on the wall of the defense tower of the castle complex of the XIV–XVI centuries (the village of Etkali): a labyrinth – periapt against migratory souls from the world of dead, the way to the world of dead.

[32] Pushkin A. S. Collected Works in One Volume. M., 1984, P. 201.
[33] Ibid..., P. 453.

cessity. Another very important category in the Code of the Qonah is «niiso – justice», which defines the Qonah's relations with other people. Some scholars interpret it as «equality», but this is connected with the fact that very native speakers find a trace of equality in the meaning of the word «niiso – justice»[34]. Justice as well as humaneness is one of the most important qualities of the Qonah, because it brings his attitude towards the world up to the high social and spiritual, one can say, messianic level. Justice along with liberty has in all times been one of the most essential ethical values in the Chechen society. If liberty is absolute[35], then justice is its limitation on the social level[36]. Its lack in social relations not infrequently led to various bloody inner conflicts, to civil wars. However, the reasons of paramount importance for all this were not economical ones, but rather moral disproportions in human relations. All the more so, justice should have been an inherent feature of a man whose sacred mission was to serve Fatherland.«Ts'ano – spiritual chastity» is one of the most important qualities of the Qonah, as far as without it ha cannot be really humane and just. Chastity of thoughts and intentions, inner avoiding of any hope for a reward in the earthly or heavenly life mainly constitute the high mission of the Qonah. With this category is connected the Qonah's attitude towards religion. The religious culture of the Qonah is, first of all, determined by the influence of Sufism, since the Chechens confess Islam in its Sufi form. Hence, they prefer the inner essence of religion to its external form; they are modest in celebrating religious rites and interpret faith as a personal, intimate sphere of man; they have got a high degree of religious tolerance. It is characteristic of the Qonah to stand in awe of the human life as the highest value, to respect the personal dignity of man, regardless of his social status, his national and confessional background.[37] This is why for him the standard of morality is man himself who has received from the Almighty a free moral choice be-

---

[34] Chesnov J. The Ethno-cultural Potential of the Chechen Nation//Northern Caucasus: Ethno-political and Ethno-cultural Processes in the XX c M., 1996, P. 44.

[35] The Chechens consider a right of free choice to be one of the most important conditions of liberty. This is why they have preferred the Sufi religious doctrine according to which even the Predesti- nation allows man to make a choice between Good and Evil.

[36] Chesnov J. The Ethno-cultural Potential of the Chechen Nation., P. 47.

[37] The Chechens call the Qonakh a man of any nation or confession if he corresponds to this status with his own personal features and actions.

tween good and evil; man «able to perfect himself on his way to self-knowledge and acquisition of his own real «ego»[38]. «Ts'ano – spiritual chastity» is closely connected with such ethical categories as «zdangallo – generosity» and «ghilaq – etiquette». «zdangallo – generosity» is a universal moral category. It is united with humaneness and justice. «Generosity» is a sign of noble birth, high inner culture and spirituality. It adds loftiness, purity and refinement to humaneness. Among the Chechens, etiquette was not just a set of refined manners, but a spiritualised ritual, a system of social tokens which enabled the social structure to remain stable. Like the Confucian ceremony – «li», the etiquette helped to make human relations within the society harmonious. This is why the Qonah could by no means break this etiquette.

Among other essential ethical categories of the Code of the Qonah there is also «laram – respectfulness, deference» and «sii – honour». «Laram» is a respectful attitude of the Qonah to the world, other people, to the human person. It does not depend on external circumstances, but belongs to him from the very beginning; it exists insofar as does the very Qonah exist. «Sii – honour» is, on the one hand, an inner awareness by man of his own dignity; on the other hand, it is his attitude to the dignity of society and individual people. Honour is an only treasure that the Qonah values more than his life. Probably it is connected with the fact that «in its deepest basis honour has got the conviction of the stability of moral character due to which the only evil action speaks of the same moral character of all the rest consequent deeds, as a result of that one can never make any restitution for the lost honour»[39].

Adam Smith in «The Theory of Moral Sentiments» wrote: «To attain to this envied situation, the candidates for fortune too frequently abandon the paths of virtue; for unhappily, the road which leads to the one, and that which leads to the other, lie sometimes in very opposite directions. But the ambitious man flatters himself that, in the splendid situation to which he advances, he will have so many means of commanding the respect and admiration

Петроглифы на стене жилой башни XIV–XVI веков (селение Химой): двойные спирали, ладонь, лабиринт.

Petroglyphs on the wall of the living tower of the XIV–XVI centuries (the village of Khimoi): double helixes, a palm, and a labyrinth.

[38] Stepanyan M. T. The Philosophical Aspects of Sufism. M., 1987, P. 50.
[39] Shopenhauer A. The Selected Works. M., 1992, P. 235.

of mankind, and will be enabled to act with such superior propriety and grace, that the lustre of his future conduct will entirely cover, or efface, the foulness of the steps by which he arrived at that elevation...

Though by the profusion of every liberal expense; though by excessive indulgence in every profligate pleasure... though by the hurry of public business... he may endeavour to efface, both from his own memory and from that of other people, the remembrance of what he has done...

Amidst all the gaudy pomp of the most ostentatious greatness; amidst the venal and vile adulation of the great and of the learned; amidst the more innocent, though more foolish, acclamations of the common people; amidst all the pride of conquest and the triumph of successful war, he is still secretly pursued by the avenging furies of shame and remorse; and, while glory seems to surround him on all sides, he himself, in his own imagination, sees black and foul infamy fast pursuing him, and every moment ready to overtake him from behind»[40]. The reverent attitude of the Qonah to honour and personal dignity is not connected with individualism and egocentrism, but with moral height of his social mission which will be well-founded only if the aim and the means and the person agree with the absolute[41].

«Sobar – self-control, patience» is a special category in the value system of the Code. Its significance is underlined by the Chechen proverb «Qonah sobartsa vevza – The Qonah can be known through his self-control». «Sobar» has got a number of meanings which are very close to each other. In the spiritual aspect it is a sacrifice, an ascent to the Calvary for the sake of people. Besides, it is self-possession, self-control, patience, valour. «Qon-

Петроглиф на стене боевой башни замкового комплекса XIV–XVI веков (селение Эткали): розетка – древний солярный символ.

Petroglyph on the wall of the defense tower of the castle complex of the XIV–XVI centuries (the village of Etkali): a rosace – the ancient solar symbol.

[40] Smith A. The Theory of Moral Sentiments. M., 1997, P. 81.

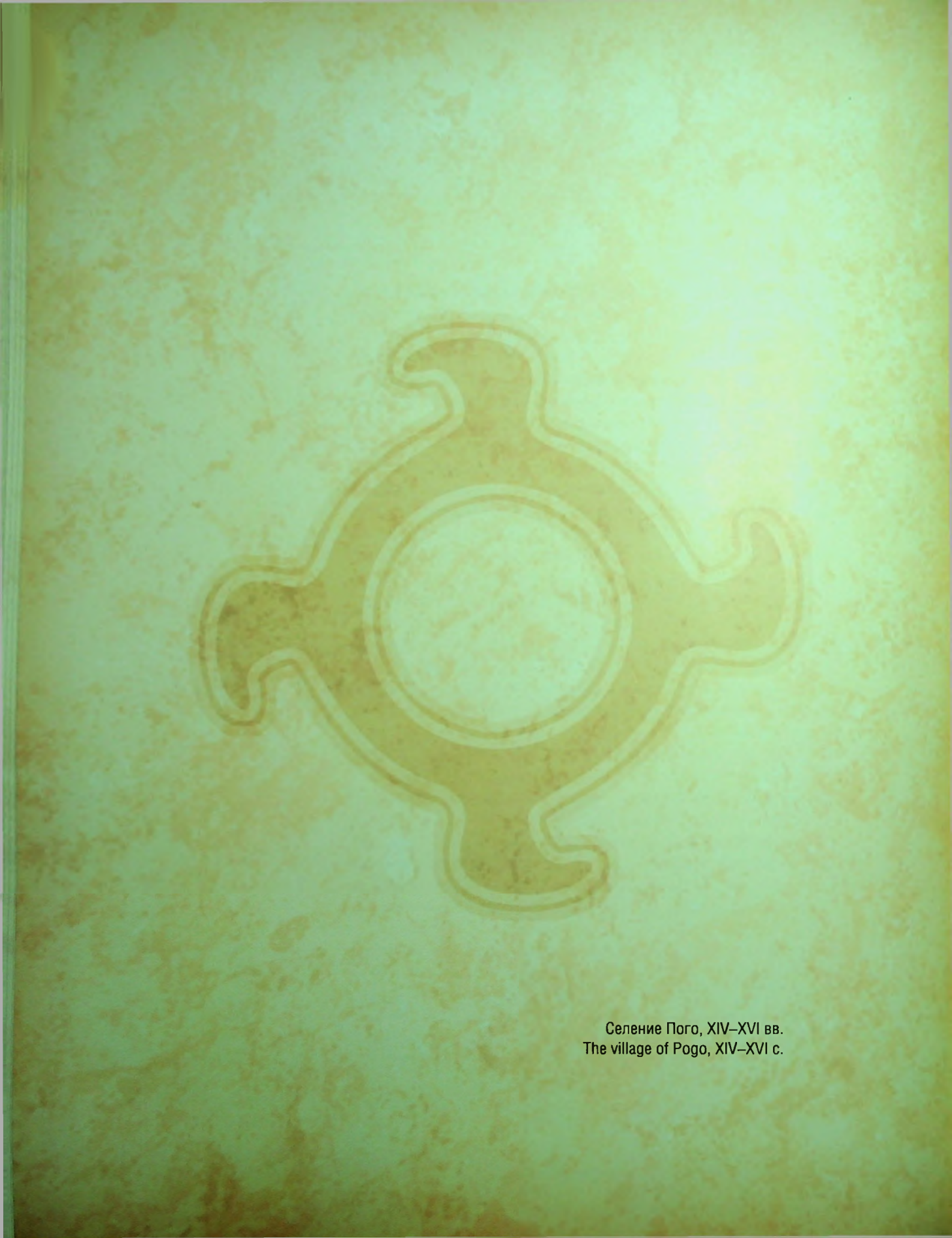
[41] Some researchers of the Chechen ethics confuse honour with the category «yah'» – competition in good deeds and courageous acts. But this quality belongs rather to «k'ant – a good boy», a hero of Chechen epic songs – illi, than to the Qonakh. The K'ant has got all the features of an epic hero, such as: physical strength, courage, peaceableness, justice, but the moral aim of his actions is more earthly than the mission of the Qonakh. The K'ant's actions seek public approval and praise. The category «yah'» as an ethical value is not contrary to the Qonakh's ideal, but it should not strike a public eye. It is absolutely inappropriate concerning close people and friends. It might have beenoriginally appropriate only towards the enemy who could command his respect.

ahchun mairalla – sobar. The valour of the Qonah is self-control», says the Chechen proverb. «Sobar» is a basis on which there rests the whole value system of the Code «Qonahalla».

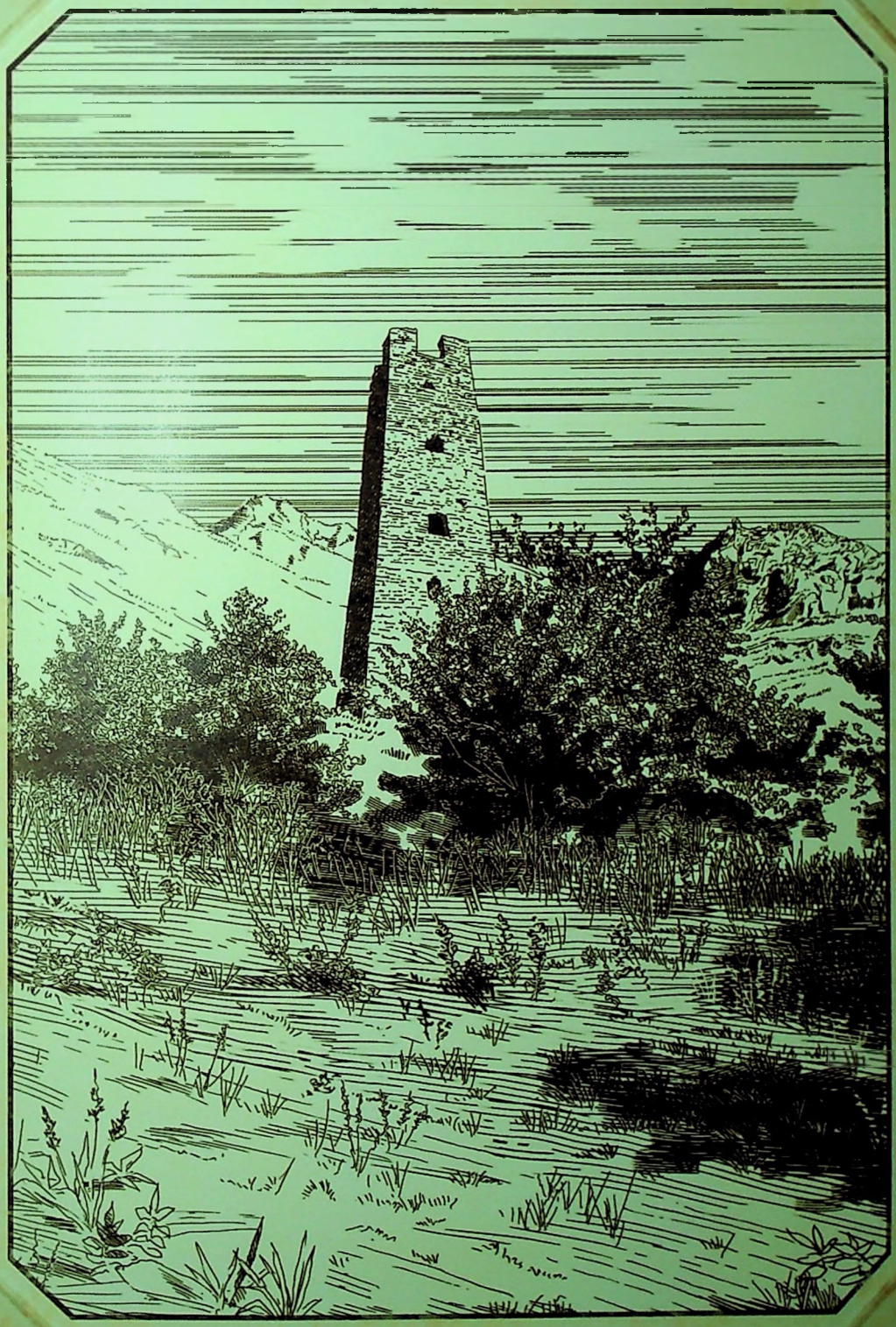
Humaneness, justice, spiritual chastity, generosity, respectfulness, honour, self-control are basic categories which constitute the value system of the Code «Qonahalla». It is ideal as a system of moral values as well as universal. The people who created such a system can't help having great future in the moral respect.

The Chechen ethical Code «Qonahalla» is a unique monument of human moral thought. It goes without saying, it will play a historic role in the spiritual and moral rebirth of the Chechen people.

Lecha Ilyasov

Селение Пого, XIV–XVI вв.
The village of Pogo, XIV–XVI c.

1

The main goal and value
of qonah's life
is to serve his people
and his Motherland.
Qonah's life should
fit his noble goals.

2

Qonah swears only
to his people and Motherland.
He is ready to sacrifice his life
for his people and Motherland
but qonah will never and will
not at any price waive
his dignity and his honor.

3

The highest expression
of qonah's devotion
defending the Motherland
against enemy invasion.
Death in a fair war or defending
his honour and dignity would be
more preferable for a qonah than
inglorious life.

4

Creative labour
for the Motherland's sake
is the same duty for a qonah
as defending his own country.
Best qonah's qualities are
perceived in labour and first of all
his faith to his great mission.

5

In any circumstances
qonah must show respect
to his Motherland
and to his people's choice.
He should accept this choice with
dignity even if it is not in line
with his beliefs and principles.

6

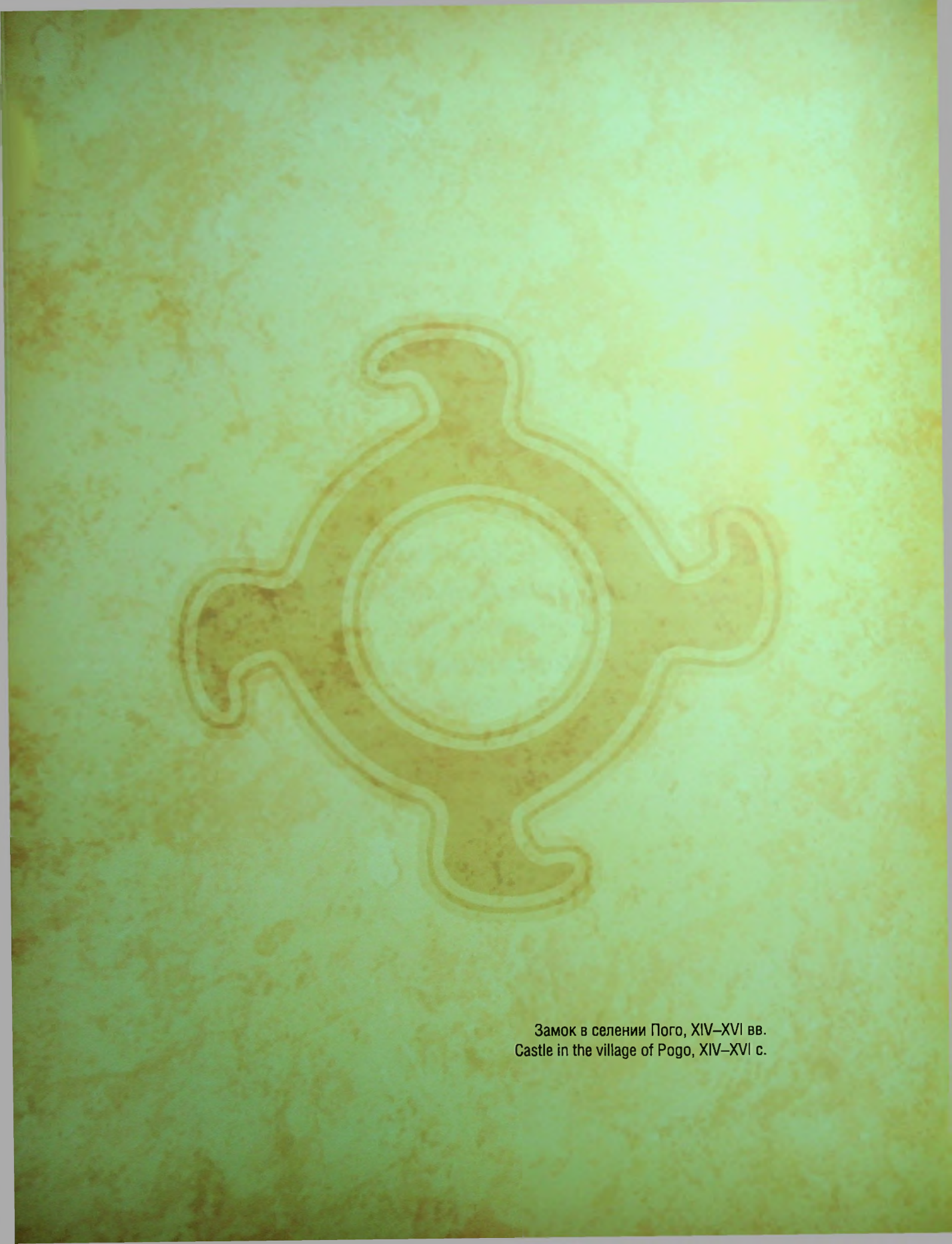
Qonah should remember that Motherland, his personal dignity and honour are the most precious values for him.
But when he has to choose between his Motherland's interests and his honour, qonah must leave the Motherland.

7

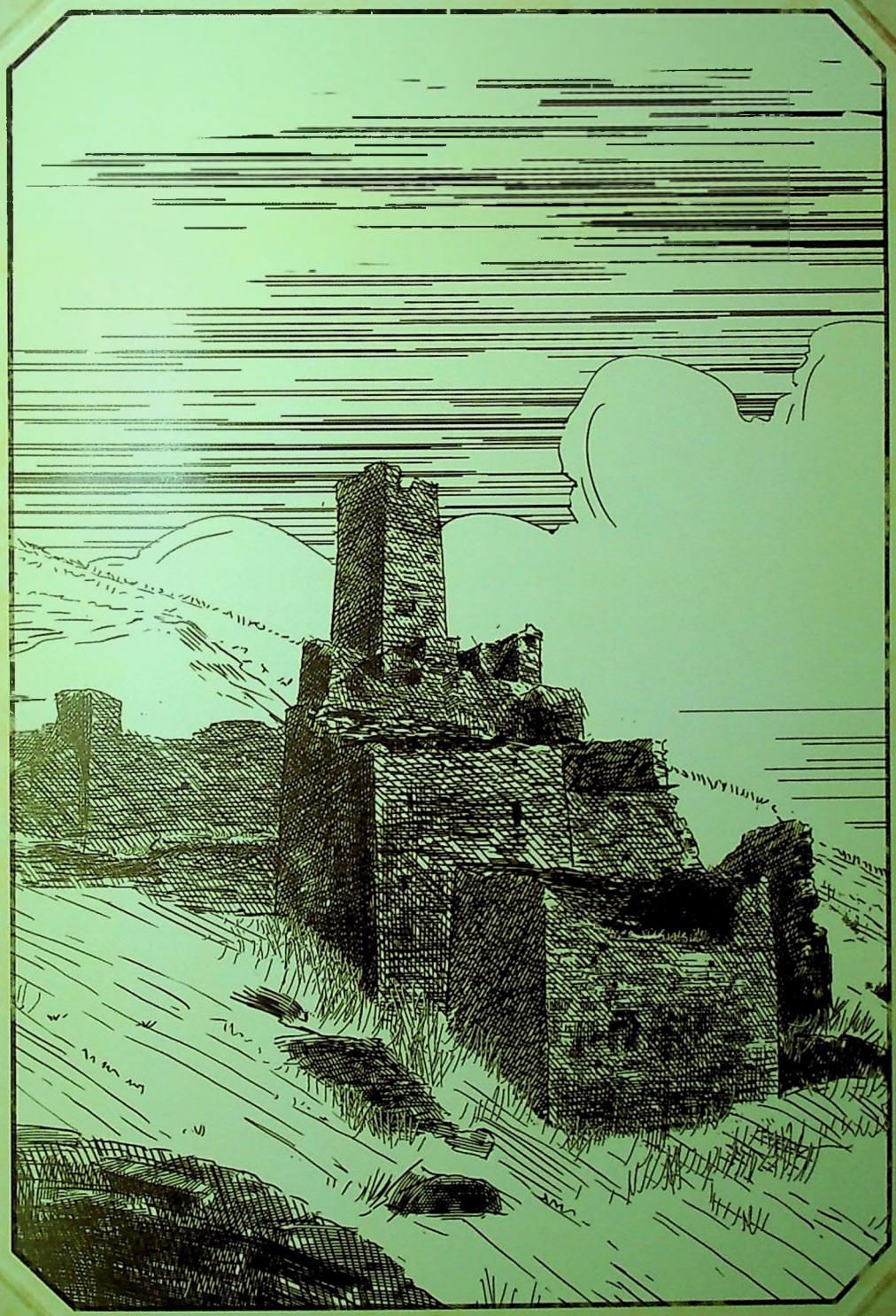
Qonah does not expect
acknowledgement serving his
Motherland.
There is no better reward for a
qonah
than being in memory of his
people.

8

Humanity is the basis
of qonah's
attitude towards the world.
Everything beyond it is unworthy
of a qonah.

Замок в селении Пого, XIV–XVI вв.
Castle in the village of Pogo, XIV–XVI c.

9

Humanity is wisdom,
humanity is humane attitude
towards the world and people,
humanity is mercy and
compassion.
Qonah's actions and feelings
are governed by sense.
His heart protects him from
indifference and human sorrow.

10

Qonah expresses humanity
and charity
not only caring about people but
defending and helping them.
Qonah should be gracious
to the weak and the defenseless
first of all.

11

Justice is a true measure
of qonah's attitude
to other people.
He is always as fair to them
and as he is to himself.
Qonah's relations with people are
based on reciprocity principle:
«Do not do to the others
whatyou would
not wish to be done
to yourself».

12

Qonah's dignity is not
only justice but also respect he
shows to people
regardless of their age
and social status.
Qonah is always polite
and modest.

13

The biggest wealth of qonah
is his honor and dignity.
The rest of the world's values
can be lost
and regained again,
but honor lost is regained
only through worthy death.

14

Spiritual purity is a mirror
reflecting qonah's inward nature
and his deeds.
There is no true humanity
and compassion without it.

15

True faith and justice
are qonah's highest
spiritual purpose.
A qonah cognizes the essence
of the world
by his mind and his heart,
and the essence of the faith
by his heart and his soul.
All his life a qonah is striving
to understand the core principle
of the world and faith.

16

Qonah should constantly
perfect his mind,
comprehend wisdom
and experience of others,
study sciences that give a key
to cognize the world,
because nothing but knowledge
leads to true faith
and comprehension
of justice.

Боевая башня в селении Пого, XIV–XVI вв.
Defense tower in the village of Pogo, XIV–XVI c.

17

Qonah must be humble
while performing religious rituals.
He never emphasizes externals
of his religion,
never substitutes true faith.
For a qonah, an inward nature
of faith
is always more important
than its outward manifestation,
since the former is for the
Almighty's pleasure,
while the latter is for people's
pleasure.

18

Qonah is ready
to face any challenges
fate sends him with dignity.
However, he remembers
that the Almighty
always allows him to choose
between Good and Evil
and he is ready
to answer his choice
in front of the God and people.

19

Hope in the Almighty never abandons qonah.
It helps him in an unequal battle as well as in any intricate situations.
It is the source of his inner strength and patience.

20

Qonah does not avoid carnal
pleasures as they are granted him
by the Almighty.
But they never become
the only reason
for being as he acknowledges
temporality of the world
and feels breath of Eternity.

21

Qonah treats tolerantly
those of different faith;
he does not impose his views
on them.
Violence leads to hypocrisy,
and hypocrisy is incompatible
with true faith.
For the Koran says:
«There is no compulsion
in religion».

22

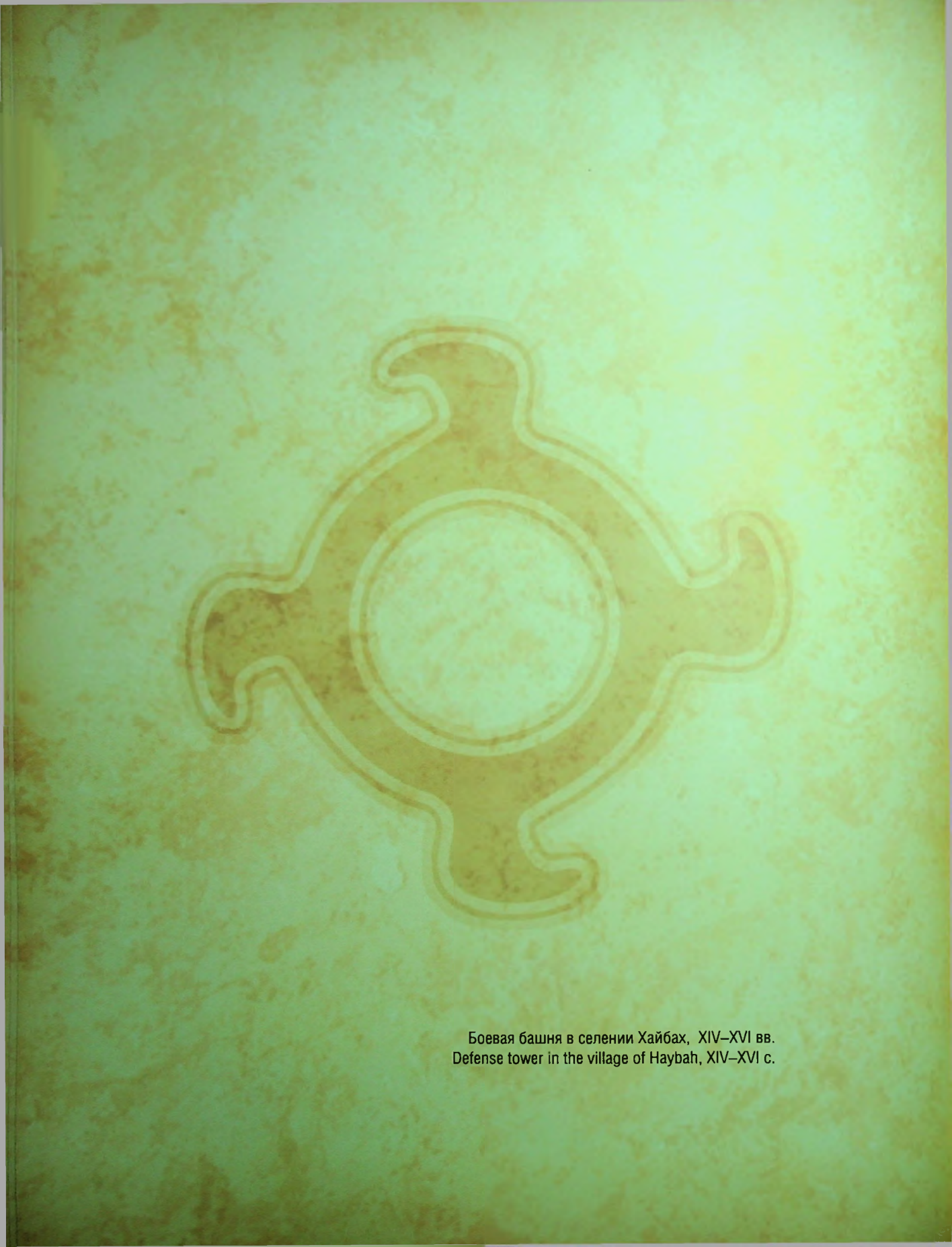
True courage is shown through
patience and ability
to manage oneself and a situation.
Reckless bravery is courage
with eyes being shut,
excusable to a youngster
who knows neither a price
of his life
nor that of someone else.
Qonah's self-possession is courage
of a wise man, a conscious step
towards death.

23

Qonah never intrudes
other people's dignity
and honor.
He also should be gentle
to their weaknesses and mistakes,
and should avoid,
if possible, unnecessary
quarrels and conflicts.

24

Qonah must be able
to prove not only his rightness
but alsoto listen
to other people's opinions,
to agree with it if they are true.
To acknowledge
that someone else is right,
to concede in a argument
is not a weakness
but an expression
of generosity.

Боевая башня в селении Хайбах, XIV–XVI вв.
Defense tower in the village of Haybah, XIV–XVI c.

25

Qonah will return the good
that has been given to him,
for gratitude is a quality
of a noble man;
however,
he himself does not expect
gratitude for the good
he has done.

26

Qonah should
behave with dignity in festivity
as well as in grief.
Bleak face and grim silence
are as improper at a feast
as laugh
and multiloquy at funeral.
In any situation
he must be self-possessed
and calm.

27

Qonah should
be modest in everyday life
and social affairs.
Other people should appreciate
his intellect, courage and deeds.
But even subjectivity of this
appraisal
does not allow him to glorify
himself.

28

Qonah shows his nobleness
behaving courteously.
No circumstances
can make qonah
break the rules
of etiquette.

29

Qonah should
respect and worship
his parents,
care about them when
they are old.
He must share not only shelter
and bread with them,
but also joy and sorrow.

30

Qonah must be
as fair to his family
as to others.
He should be calm
and soft in punishing
and rewarding.

31

Honor and dignity
of a woman
are inviolable for qonah..
Qonah will never let anyone
offend a woman
in his presence.

32

A woman's life
is twice inviolable for qonah.
Under no circumstances
will a qonah
take up weapon against a woman,
even as a mere threat.

Эткалинский замок, XIV–XVI вв.
The Etkaly castle, XIV–XVI c.

33

Qonah will never injure
or cause
a child to suffer.
Under no circumstances
would a qonah sacrifice
a child's life or health.

34

Law of hospitality
is sacred for qonah.
Qonah that fails to protect
his guest
is doomed to infamy and disdain.
That is why he values
a guest's life and freedom
more than his own.
But he is not responsible
for a guest
who has committed a crime.

35

Being abroad,
qonah should not only comply
with the laws of the country
but also respect
its customs and traditions,
and follows them as long
as it does not hurt
his national dignity
and confessional beliefs.
Thus he expresses his gratitude
for the air and bread
of the country.

36

Friendship is holy for qonah.
For the sake of friendship qonah
is ready to sacrifice anything.
He loves a true friend
as he loves his brother,
he respects him as he respects
his father,
and honors him
as he honors a dear guest.
When defending his friend,
qonah does not spare his life.
He proves out both in friendship
and in enmity.

37

It is generosity that measures
qonah's attitude
to his enemy.
When at war qonah should follow
what is permissible
towards his enemy
and he should
not show his anger.

38

Qonah shows nobleness
and mercy
towards a defeated enemy.
He prefers a noble enemy
to an unreliable friend.

39

Qonah must not use his weapon
against an unarmed enemy.
He must give possible help
to a severely wounded enemy
as he would
to any other man.

40

Whenever possible
qonah avoids
battle with a weaker enemy,
as any a result of it
will not bring him more glory
but can ruin his good name.
If such a battle is inevitable,
he must give his enemy
an opportunity
to choose weapon
and be gentle to him.

Хаскалинская боевая башня, XIV–XVI вв.
The Haskali defense tower, XIV–XVI c.

41

Qonakh must be firm
in fight and ready
to accept
any outcome with dignity,
even if the faces
death.

42

Qonah treats
his weapon with respect
and honour
and he does not take it
without necessity,
and never uses it
for the sake of gain or evil.

43

Qonah is obliged
to keep carefully
the best traditions of his kin,
he should remember
his ancestors,
respect his past,
and the history
of his people.

44

Qonah must
perfect his spirit
and body during his life
in order to serve his people
in the most efficient way.

45

Qonah always keeps his word and never breaks his oath even if his life is at stake.

46

Healthy ambition
is appropriate for qonah,
but to envy other's fame or wealth
is unworthy of him.
If there is envy
there can be no humanity,
and therefore, no sincerity
and mercy.

47

Competition can help qonah
to achieve his aim faster,
but it is inappropriate if he
competes with
a friend or a brother.
Competition for the sake
of the Motherland
is noble,
while for individual fame
is unworthy.

48

Qonah must avoid
lies and slander as well as those
who spread it.
He never says anything about a
person
that he would not say
in his/her presence.
Qonah either will say only good
things or he will say nothing
about those who are dead or are
in despair.

Селение Шарой, XIV–XVI вв.
The village of Sharoy, XIV–XVI c.

49

Honesty and sincerity of qonah
arise from his courage.
But there is nothing
more unworthy of him
as hypocrisy.
It arises from infamy
and cowardice
and as a rule results in betrayal.

50

Courtesy and respect
must not turn into fawning
to men of wealth and power.
Qonah must pay deference
only to women and elders.
Deference shown to elders
is the manifestation
of good breeding,
to women is the manifestation
of courage
and to younger ones is the
manifestation
of nobleness.

51

Under no circumstances can a qonah trespass on other people's possessions.

52

It is not forbidden to make
a fortune for qonah. Wealth
gained in a right way can serve
not only his interests
but also the interests of his people
and Motherland.
Greed and miserliness can make
the best qualities of a man
useless,
as well as extreme extravagance
can ruin the richest man.
Generosity increases
not only qonah's fame,
but his wealth as well.

53

Qonah must bravely
endure all the burdens the life
brings him
including physical suffering.

54

Qonah treats a living
being with care and mercy.
He will never cut a tree,
kill an animal
and never make harm
to any creature living.

55

Qonah is always ready to die,
for there is nothing
ever-lastingin this world.
But qonah must
not strive for death
and tempt fate without necessity
since life is the biggest gift
a man gets
from the Lord.

56

Aqonah's death
must be equally worthy
as his life.

Къонахалла. Чеченский этический кодекс
Quonahalla. Chechen Etic Codex

ISBN 978-5-906053-24-4

Авторская версия, составление
и вступительная статья **Леча Ильясов**

Иллюстрации
Вячеслав Бурлаков

Дизайн и верстка
М.Широкова, М.Лейпунский

Фотографии
Леча Ильясов

Подписано в печать 08.12.2023. Формат 84x108/16. объем 27,72 усл.-печ. л.
Гарнитура "Lazurski C". Печать офсетная. Бумага мелованная.
тираж 310 экз. Зак. № 5204.

Отпечатано в полном соответствии с предоставленным электронным
оригинал-макетом в типографии «Буки Веди»

